

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 3
№ 3
2024

Журнал

«УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА»

Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

С 1 октября 2024 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по научным специальностям: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения.

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,

профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,

декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,

профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,

профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,

профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,

доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,

профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,

профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,

профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгун,

профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Виталий Викторович Субочев,

профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Россия

Арчана Упадуай,

профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,

профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шут,

профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитонова,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Vitaly Subochev,

Professor, Head of Department of State Regulation, MGIMO University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Конвергенция и дивергенция многосторонних инициатив ведущих центров силы.....	8
<i>И.Д. Комаров, М.Л. Горбунова</i>	
Внешнеполитический курс Республики Корея в отношении арктического региона: перспективы использования Северного морского пути.....	36
<i>А.В. Иванов</i>	
Предпосылки к усилению противоречий между Ираном и Афганистаном из-за использования ресурсов реки Гильменд.....	47
<i>Д.А. Синельников</i>	
Геополитическая структура Ближнего Востока.....	64
<i>А.Б. Погосян</i>	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Национальные проекты и этнические меньшинства на Ближнем Востоке: Турция, Сирия, Ирак.....	74
<i>Салех Агил оглы Сейидли, И.В. Кудряшова</i>	
Информация для авторов.....	93

Contents

INTERNATIONAL POLITICS

Convergence and Divergence in Multilateral Initiatives of Leading Powers.....	8
<i>Igor D. Komarov, Maria L. Gorbunova</i>	
The Republic of Korea's Foreign Policy in the Arctic Region: Prospects for the Northern Sea Route	36
<i>Anton V. Ivanov</i>	
Prerequisites for Increasing Contradictions between Iran and Afghanistan over the Use of Transboundary Water Resources of the Helmand River	47
<i>Dmitry A. Sinelnikov</i>	
Geopolitical Structure of the Middle East	64
<i>Alexander B. Pogosyan</i>	

POLITICAL SCIENCE

National Projects and Ethnic Minorities in the Middle East: Turkey, Syria, Iraq	74
<i>Saleh A. Seyidli, Irina V. Kudryashova</i>	
Brief Author's Guide	93

Конвергенция и дивергенция многосторонних инициатив ведущих центров силы

И.Д. КОМАРОВ¹

М.Л. ГОРБУНОВА²

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Аннотация

Появление многосторонних инициатив ведущих государств и интеграционных объединений мира, в число которых входят “Пояс и путь” КНР, “Большое евразийское партнерство” Российской Федерации, “Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион” США и Японии, “Глобальный портал” ЕС (*Global Gateway*) – один из элементов соперничества центров силы друг с другом. В рамках системы международных отношений этот тренд формирует комплексную взаимозависимость между государствами, занимающими разное положение в глобальной иерархии и имеющими разное социально-экономическое развитие. Сопоставление многосторонних инициатив по тем или иным критериям является перспективной исследовательской тематикой. Авторы изучают конвергенцию и дивергенцию многосторонних инициатив на основе анализа динамики неравенства доходов государств-участников. Подход опирается на расчет межгосударственного индекса Джини по паритетному ВВП на душу населения.

Выводы исследования следующие. Во-первых, авторы выявили наличие многосторонних инициатив с сотрудничеством развивающего (инфраструктурного) типа у всех крупных государств – центров силы, таким образом в статье рассмотрены инициативы КНР, США, РФ, Японии и ЕС. Во-вторых, в их запуске инициатив прослеживается элемент копирования стратегий и конкуренции центров силы друг с другом. Это проявляется как в элементах

¹ **Комаров Игорь Дмитриевич** – кандидат исторических наук, специалист по организационной работе 2-й категории Информационно-аналитического отдела, научный сотрудник АНИИ “Лобачевский” Института международных отношений и мировой истории, научный сотрудник кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
e-mail: komarov@imomi.unn.ru

² **Горбунова Мария Лавровна** – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного дела, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

целеполагания, так и в составе участников и позволяет сделать заключение о том, что многосторонние инициативы – это элемент реализации влияния (*power*) и одновременно элемент комплексной взаимозависимости (*interdependence*) в периоды глобализационного, а не геополитического вектора экспансии системы международных отношений. В-третьих, расчеты показали интерпретационный потенциал межгосударственного индекса Джини как подхода к измерению конвергенции многосторонних инициатив интеграционных объединений. Снижение индекса Джини означает, что государства с низкими и средними доходами растут быстрее. Частные итоги исследования показали, что восходящие центры силы – Россия и КНР, а также Япония – традиционный центр силы – имеют меньшее неравенство и лучшие показатели конвергенции внутри формируемых многосторонних инициатив. Инициатива США характеризуется самым высоким уровнем неравенства, но есть конвергенция, инициатива ЕС характеризуется высоким неравенством и наименее конвергентна в динамике.

Используемый авторами подход к оценке конвергенции многосторонних инициатив на основе расчета межгосударственного индекса Джини с достаточной полнотой демонстрирует неравенство и характеризует процессы конвергенции и дивергенции многосторонних инициатив.

Ключевые слова

Центры силы, многосторонние инициативы центров силы, индекс Джини, Большое евразийское партнерство, Пояс и путь, Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, Глобальный портал

Для цитирования

Комаров И.Д., Горбунова М.Л., (2024). Конвергенция и дивергенция многосторонних инициатив центров силы. *Управление и политика*, 3(3). С. 8–35. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-8-35

Великие державы или центры силы первого порядка, такие как США, Китай, Россия и Европейский союз, в целях реализации своих политических и экономических интересов развивают формализованные и неформализованные межгосударственные объединения. К числу вторых относятся такие многосторонние инициативы как «Пояс и путь», «Большое евразийское партнерство» или «Большая Евразия», «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»³ и «Глобальный портал» (*Global Gateway*). Великие державы и объединения (речь идет о Европейском союзе) стремятся привлечь в свои проекты малые

³ «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP) – это два проекта с идентичным названием Японии и США, которые имеют разные задачи и набор участников. В настоящее время инициатива США носит название «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF).

и средние государства разных макрорегионов. Это приводит к одновременному участию небольших государств в нескольких многосторонних зонах (кластерах), продвигаемых разными центрами силы.

Четкие границы многосторонних инициатив на текущий момент не оформились окончательно, в определенном смысле этого и не требуется. Россия делает фокус на евразийском континенте сначала – от «Лиссабона до Владивостока»⁴, затем – «от Мурманска до Дели»⁵. Проект КНР помимо евразийских государств включает государства Африки и Латинской Америки. Япония и США фокусируются на Индо-Тихоокеанском регионе, что подразумевает участие Австралии и Океании. Проект Японии, имеющий общее название с инициативой США периода администрации Д. Трампа, в отличие от американского, также включает в себя сотрудничество с государствами Африки. Европейский союз в рамках инициативы «Глобальный портал» включает развивающиеся государства всех континентов, кроме партнеров Программы политики соседства (*European Neighborhood Policy*).

В силу существующих геополитических противоречий между центрами силы первого порядка, ведущими борьбу за влияние на континенте, многие инициативы не являются устойчивыми или развиваются скачкообразно, что безусловно актуализирует тематику исследования.

Авторы видят цель исследования в развитии методологии изучения конвергенции и дивергенции формализованных и неформализованных межгосударственных объединений центрами силы первого порядка КНР Российской Федерацией, США, Японии и ЕС на евразийском пространстве для обеспечения и поддержания безопасности в условиях формирования новой архитектуры мирового порядка

⁴ Putin, W. Von Lissabon bis Wladiwostok // Sueddeutsche Zeitung. 25. November 2010 URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/putin-plaedoyer-fuer-wirtschaftsgemeinschaft-von-lissabon-bis-wladiwostok-1.1027908> (accessed 01.08.2024)

⁵ Нарышкин: успешная работа ЕАЭС с КНР поможет создать «Большую Евразию» // РИА Новости. 6 октября 2016 г. URL: <https://ria.ru/20151006/1297516870.html> (дата обращения: 1 июня 2023 г.)

Реализация многосторонних инициатив как стратегия развития центров силы в XXI веке

Многосторонние инициативы ведущих государств мира – центров силы – относительно новый формат их геополитической и геоэкономической экспансии, в рамках которого реализуется элемент зависимости комплексного типа (Keohane & Nye, 1973; Keohane & Nye, 2012) в условиях трансформации архитектуры мирового порядка, сопряженного с периодом завершения однополярной гегемонии США (Degterev, 2019; Degterev et al., 2021; Reich & Lebow, 2014).

Эти инициативы в определенном смысле сформировались из интеграционных процессов, которые к началу XXI века превратились в один из основных типов международных экономических отношений. Турбулентная динамика межгосударственных отношений, неравномерное экономическое развитие и соперничество центров силы, в первую очередь, в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сначала привели к генезису мегарегиональных торговых соглашений, таких как – Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП)⁶ и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) (Кадочников, Стапран, 2016; Min, 2015).

ТТП представляет собой один из элементов стратегической линии США по сдерживанию роли КНР, который позволяет решать и задачу контроля потенциала роста и развития наиболее динамичного макрорегиона мира – Азиатско-Тихоокеанского. ТТИП ориентировано на укрепление потенциала американского и европейского бизнеса за обеспечения эффекта масштаба всего западного бизнеса за счет углубления связей – интеграции рынков – между США и ЕС.

⁶ White House Fact Sheet: Transatlantic Trade and Investment Partnership (T-TIP). URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2013/june/wh-ttip> (accessed 01.08.2024)

Стратегические интересы КНР связаны с инициативой «Пояс и путь», а также Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством, формируемым АСЕАН, кроме того, КНР присоединилась к Азиатско-Тихоокеанское торговому соглашению (Istomin, 2023). Многие эксперты в момент зарождения «Пояса и пути» видели в нем главным образом стратегический ответ США, которые планировали реализовать на пространстве Евразии инициативу «Новый Шелковый путь» для обеспечения безопасности и стабильности в регионе после вывода американских войск из Афганистана. Их инициатива была направлена на развитие экономических отношений и инфраструктурной связности Афганистана с государствами Центральной Азии, Индией и ее соседями, что также позволило бы снизить влияние России и Китая на Центральную Азию (Kim & Indeo, 2013). Российские и китайские аналитики (Min, 2015; Лузянин, Сазонов, 2015; Горбунова, Комаров, 2016; Li, 2019;) определяют «Пояс и путь» как гибридный интеграционный блок с подвижными географическими рамками без наднациональной управляющей структуры, опирающийся на философию реконструкции и развития (Reconstruction and Development), что подразумевает выделение финансовых ресурсов. В. Текдаль (Tekdal, 2017), обобщая разные ресурсы – официальные документы и статистические данные, делает вывод о том, что «Один пояс, один путь» – это комплексная инициатива КНР, которая, во-первых, предлагает методы решения проблем экономики и безопасности Китая, во-вторых, отражает его растущие региональные и глобальные амбиции. Множественность драйверов инициативы является отражением множественной идентичности Китая, с одной стороны, как развивающейся страны, борющейся с нестабильностью и макроэкономическими проблемами, а с другой – как восходящего центра силы со значительным потенциалом, способным определять формирование глобального экономического порядка.

О запуске российского проекта «Большое евразийское партнерство» (БЕП) было впервые объявлено Президентом РФ В.В. Путиным в его послании Федеральному собранию в декабре 2015 г.⁷ Партнерство

⁷ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. Москва, Кремль, 03 декабря 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 01.08.2024)

подразумевает создание сети зон свободной торговли, межблоковых торгово-экономических партнерств и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем евразийском материке, которые не будут приводить к потере в субъектности участвующих государств и их объединений⁸.

А.И. Агеев, Е.Л. Логинов, С.И. Борталевич (Агеев и др., 2016), а также С.Ю. Глазьев (Глазьев, 2019) полагают, что «Большое евразийское партнерство» направлено на противодействие глобальному геоэкономическому проекту реформирования США зоны стратегического влияния в Евразии и мире в целом, продвигавшемуся Администрацией президента США Б. Обамы в форматах упоминавшихся ранее Транстихоокеанского и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерств, в настоящее время приостановленных. По мнению китайских исследователей С. Ли и Ч. Вана (Li & Wang, 2014), инициатива располагает стратегическими возможностями для развития и утверждения лидерских позиций страны на постсоветском пространстве и в Евразии. При этом о сопряжении ключевого для интеграционного проекта ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» было заявлено в мае 2015 г., то есть до первого официального упоминания о БЕП⁹.

Россия и КНР, развивая свои многосторонние инициативы, распространяют собственное, отличное от Запада, видение ответственности глобальной державы, что требует теоретического осмысления в контексте формирования новой архитектуры мирового порядка. Стратегические приоритеты России связаны с развитием ЕАЭС, составляющего институциональное ядро широкого и долгосрочного евразийского интеграционного проекта. По сути Российская Федерация стремится к созданию и продвижению новых стандартов межгосударственных отношений – созданию формализованных и неформализованных межгосударственных объединений безопасности, экономического роста и устойчивого развития.

⁸ Community of Greater Eurasia. Сообщество Большая Евразия. <https://gea.site/about/>

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 21.07.2016).

ЕАЭС заключил соглашения о свободе торговли с Сербией, Вьетнамом, Ираном, Сингапуром, планируются соглашения с Арабской Республикой Египет, Израилем и Индией¹⁰.

Новая «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» Вашингтона (*Indo-Pacific Economic Framework, IPEF*)¹¹ не что иное, как попытка Дж. Байдена возродить Транстихоокеанский проект, инициированный в 2009 г. Б. Обамой¹². В фокусе инициативы направлен на совместное развитие с региональными партнерами устойчивой, цифровой и низкоуглеродной экономики и усиление устойчивости региональных партнеров США к транснациональным вызовам, таким как климатические и биологические угрозы¹³. Стратегия национальной безопасности США 2022 г. указывает, что значимость реализуемой внешней политики в Индо-Тихоокеанском регионе по важности сопоставима с региональной стратегией Вашингтона времен Второй мировой войны¹⁴.

И.А. Истомин (Истомин, 2023), анализируя особенности реализации Индо-Тихоокеанского проекта, отмечает, что геополитические цели США определяют векторы развития, которые одновременно должны ослабить экономическое влияние КНР и повлиять на взаимозависимость региональных союзников Вашингтона как Япония и Южная Корея с проектами КНР. «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» призвана стать ответом инициативам КНР и РФ – «Пояс и путь» и «Большому евразийскому партнерству» (Истомин, 2023).

Исследовательская служба Конгресса США¹⁵ отмечает уязвимость новой инициативы США, которая связана с отказом от рассмотрения вопросов предоставления открытого доступа на рынки, в то время как

¹⁰ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 16.03.2023).

¹¹ Readout of President Biden's Participation in the East Asia Summit. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/10/27/readout-of-president-bidens-participation-in-the-east-asia-summit/> (accessed 01.08.2024)

¹² Swaran Singh. Can US-led IPEF outshine RCEP or CPTPP. Asia Times. 2022. URL: <https://asiatimes.com/2022/05/can-us-led-ipef-outshine-rcep-or-cptpp/> (accessed 01.08.2024)

¹³ US National Security Strategy 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> P. 38 (accessed 01.08.2024)

¹⁴ Там же.

¹⁵ Biden Administration Plans for an Indo-Pacific Economic Framework. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11814> (accessed 01.08.2024)

стремление к снятию барьеров на пути торговли и инвестиций зафиксировано в концепции «Пояса и пути» и в идеологии сопряжения торговых зон в рамках «Большого евразийского пространства». Это обстоятельство ослабляет возможности администрации США продвигать свою инициативу развития Индо-Тихоокеанского региона. Кроме того, аналитики конгресса делают акцент на значимости для США вопросов безопасности в рассматриваемом регионе.

Японский проект «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» впервые был заявлен Синдзо Абэ в своей речи на Шестой Токийской конференции по развитию Африки в августе 2016 г. в Кении¹⁶. Основными принципами проекта объявлены: установление и распространение верховенства закона, свободы судоходства, свободной торговли; достижение экономического процветания (усиление связей и укрепление экономического партнерства, включая соглашения об охране окружающей среды и инвестиционные договоры); приверженность миру и стабильности (наращивание потенциала по соблюдению норм морского права и др.)¹⁷. Рассматриваемый проект получил широкую поддержку США, Австралии, Индии, АСЕАН, Европейского союза, а также большой группы развивающихся государств¹⁸.

Подробный сравнительный анализ Индо-Тихоокеанских инициатив США и Японии изложен в исследовании российского ученого А.А. Киревой в статье «Индо-Тихоокеанский регион в стратегиях Японии и США» (Киреева, 2020), которая делает вывод о том, что в японской инициативе преобладают экономические цели и задачи, в более поздней по времени инициативе США – более выражены соображения безопасности.

Авторы полагают, что проекты США и Японии могут быть рассмотрены в комплементарном ключе, из этой гипотезы вытекают и разные стратегические акценты проектов: другими словами, японский проект

¹⁶ Japan Ministry of Defence. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-ru.html (accessed 01.08.2024)

¹⁷ Japan Ministry of Economic, Trade and Industry. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/trade/foip/index.html (accessed 01.08.2024)

¹⁸ Там же; Diplomatic Bluebook of Japan's Foreign Policy. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100387219.pdf> (accessed 01.08.2024)

усиливает экономическую часть проекта США, а усилия США и их положение в мире способны обеспечить безопасность инфраструктурных капиталовложений Японии. Проекты объединяет обеспокоенность значительным влиянием КНР как в регионе, так и мире.

Последним из крупных экономических систем и политических акторов мира о запуске многосторонней стратегической инициативы «Глобальный портал» (*Global Gateway*) объявил Европейский союз в 2021 г.¹⁹ Целями новой партнерской инициативы ЕС являются повышение интеллектуальной, чистой и безопасной связи в цифровом, энергетическом и транспортном секторах, укрепление системы здравоохранения, образования и научных исследований по всему миру. По мнению группы исследователей, объединяющих представителей Европы и Центральной Азии, европейская инициатива исключает из получателей России и КНР, что позволяет говорить о «Глобальном портале» как о стратегическом и геополитическом ответе на инициативы «Большое евразийское партнерство» и «Пояс и Путь» (Lombaerde et al., 2022). Проект ЕС предполагает мобилизацию средств финансовых институтов и институтов развития Европейского Союза и его государств-участников, с привлечением частного капитала²⁰. Европейская инициатива охватывает в общей сложности 75 государств Латинской Америки и Карибского бассейна, Африки к югу от Сахары, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом в государствах Африки и Латинской Америки планируется реализация проектов в сфере климата и энергетики, цифровизации, образования и научных исследований, транспорта и здравоохранения. В странах Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона «Глобальный портал» акцентируется на сферах климата и энергетики, цифровизации, образования и научных исследований, а также транспорта²¹.

¹⁹ Press release: Global Gateway: up to €300 billion for the European Union's strategy to boost sustainable links around the world https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6433 (accessed 01.08.2024)

²⁰ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. The Global Gateway. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed 01.08.2024)

²¹ Global Gateway projects by region. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/initiatives-region_en (accessed 01.08.2024)

Продвижение европейского проекта тесно связано с инициативой, продвигаемой США в рамках Группы семи (G7) «Построить лучший мир заново» (*Build Back Better World*)²² – таким образом традиционные центры силы реализуют комплементарные многосторонние инициативы²³.

В Таблице 1 представлены многосторонние инициативы центров силы с названием, годом запуска (объявления), географическими рамками проекта, количеством участников и особенностями.

Географические рамки и содержательное наполнение проектов центров силы демонстрирует конкуренцию центров силы или инициатив Глобального Юга и Глобального Севера. В условиях современных международных процессов представляется актуальным оценить многосторонние инициативы и сравнить.

Географические рамки и содержательное наполнение проектов центров силы демонстрирует конкуренцию центров силы или инициатив Глобального Юга и Глобального Севера. В условиях современных международных процессов представляется актуальным оценить многосторонние инициативы и сравнить. Для этого авторы предполагают оценить устойчивость межгосударственных объединений.

²² President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed 01.08.2024). Стоит отметить, что США совместно со странами G7 в июне 2021 года обсудили стратегическую конкуренцию с КНР и объявили об совместном инфраструктурном проекте (Build Back Better World) в странах с низким и средним уровнем дохода.

²³ Еремина Н. Евросоюз пытается запустить альтернативу китайскому «Поясу и пути». URL: https://eurasia.expert/evrosoyuz-pytaetsya-zapustit-alternativu-poyasu-i-puti/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 01.08.2024)

Таблица 1. Многосторонние инициативы КНР, РФ, США, Японии и ЕС

	Россия	Китай	США	Япония	ЕС
Название	Большое евразийское партнерство	Пояс и путь 一帶一路	Свободная и открытая Индо-Пацифика/ Индо-Тихоокеанская экономическая инициатива FOIP/IPEF	Свободная и открытая Индо-Пацифика FOIP	Глобальный портал Global Gateway
Год запуска (объявления)	2015	2013–2014	2017/2022	2016	2021
Континенты	Евразия	Евразия, Африка, Южная Америка	Евразия, Австралия и Океания	Евразия, Африка, Австралия и Океания	Евразия, Африка, Южная Америка
Количество государств	99	142	31	39	74 ²⁴
Особенности	Сопряжение интеграции, равноправное сотрудничество для региональных организаций, обеспечение безопасности	Развитие экономической кооперации за счет улучшения транспортной связности	Антагонизм по отношению к КНР и РФ, инструмент сохранения гегемонии	Комплексный характер – фокус на транспортной, безопасности и климатических рисках	Комплексный характер – фокус на развитии человеческого капитала и целях устойчивого развития

Составлено авторами на основе официальных источников²⁵

Важными характеристиками устойчивости интеграционных, а с ними и других межгосударственных объединений являются конвергенция и дивергенция участников, измеряемая разными показателями. Подробный обзор литературы по вопросам конвергенции и дивергенции

²⁴ 74 государства с учетом 47 государств-получателей и 27 государств ЕС.

²⁵ Большое евразийское партнерство – список государств Евразии по перечню World Development indicators. World Bank URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 01.08.2024); "Пояс и путь". Belt and Road Portal. URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=10076 (accessed 01.08.2024); A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed 01.08.2024); Japan's vision on a "Free and Open Indo-Pacific (FOIP)". Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (accessed 01.08.2024); Глобальный портал. European Commission. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway_en (accessed 01.08.2024)

интеграционных блоков дан в работе М.А. Бельченко (Бельченко, 2014). Авторы предлагают проанализировать конвергенцию и дивергенцию государств внутри многосторонних инициатив через оценку неравенства доходов на душу населения, применяя межгосударственный индекс Джини, используемый на национальном уровне²⁶. Индекс Джини имеет безразмерную величину от 0 до 1, таким образом, его расчет на основе ВВП, выраженного в долларах по паритету покупательной способности, позволяет сравнивать многосторонние инициативы во времени без дефлирования стоимостных показателей.

С учетом того, что многие инициативы запущены относительно недавно, применение индекса Джини, рассчитанного на продолжительном периоде времени, предшествующем этому, позволяют рассуждать в большей степени о предпосылках развития инициатив, а не о результатах торговой либерализации и капиталовложений. Меньшее неравенство (низкие абсолютные значения индекса Джини) и конвергенция (нисходящий тренд) свидетельствуют о потенциальной большей устойчивости инициативы за счет сглаживания противоречий между государствами с более высокими доходами и менее обеспеченными государствами.

Большие абсолютные значения индекса Джини, как и отсутствие тенденций к его снижению свидетельствуют о дивергенции государств, участвующих в многосторонней инициативе, и о ее худших перспективах. Возрастание неравенства в рамках инициативы (увеличение индекса Джини) отрицательно влияет на конвергенцию и свидетельствует о формировании конфликтного потенциала.

²⁶ Индекс Джини отражает степени расслоения внутри выборки объектов по определенному признаку. Авторы формируют выборку государств-членов инициативы, включающую и центр силы и сопоставляя доли государства в общем валовом внутреннем продукте, рассчитанном по ППС и общей численности населения. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных государств.

Оценка неравенства государств-участников многосторонних инициатив центров силы

Методология исследования. Работа основана на применении индекса Джини к анализу неравенства доходов и конвергенции в рамках многосторонних инициатив центров силы.

Порядок анализа следующий. Во-первых, авторы сравнивают реализуемые многосторонние инициативы центров силы с их ключевыми интеграционными проектами («первый контур») и созданной ими сетью зон свободной торговли («второй контур»). Это позволяет определить содержательный вектор и перспективы многосторонних инициатив, представляющих собой «третий» или «концептуального контур» развития, реализуемого центрами силы в рамках своего внешнеполитического трека.

Во-вторых, авторы сравнивают конвергенцию ключевых интеграционных проектов («первого контура») и многосторонних инициатив («концептуального контура»). Сравнение конвергенции «первых контуров» разных центров силы сделано для того, чтобы оценить базовый потенциал центров силы при реализации ими многосторонних инициатив – концептуальных контуров. Процессы конвергенции/дивергенции внутри ключевых интеграционных проектов центров силы дают представление о направленности – экстрактивной или инклюзивной – и эффективности инструментария и их межгосударственного взаимодействия. Опыт проектов первого контура центров силы является ориентиром для концептуальных контуров и показывает вектор развития последних. Кроме того, концептуальные проекты центров силы, являясь комплементарными, могут способствовать развитию единой экономической системы на пространстве Евразии. Это согласуется с идеями о развитии Большого евразийского партнерства (Глазьев, 2019) и инициативы «Пояс и путь»²⁷.

²⁷ Госкомитет по делам развития и реформ КНР, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шанхайского пути и Морского Шанхайского пути XXI века. МИД КНР. 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 10.06.2023)

К первому контуру России отнесен ЕАЭС, США – зона свободной торговли США, Мексика, Канада (USMCA), Европейский союз – это первый контур государств Европы. В первый контур Китая авторы включили специальные административные районы Макао, Гонконг, а также Тайвань. У Японии такой контур отсутствует. Во второй контур России включены также расчеты индекса Джини и конвергенции для группы государств ЕАЭС контуры+, включающей в себя все государства–партнеры ЕАЭС по ЗСТ – СНГ, Сербию, Вьетнам и Иран, а также государства, с которыми будут заключены такие же соглашения в соответствии со стратегическими направлениями евразийской интеграции – Египет, Израиль и Индия.²⁸

Государства на графиках представлены в соответствии с таблицей 2, в которой указаны названия групп, использованные в качестве легенд на рис. 1–7.

Таблица 2. Контурные интеграции на примере КНР, РФ, США, Японии

	РФ	Китай	США	Япония	Государства Европы
1 контур	ЕАЭС	Китай + САР, Тайвань	Зона свободной торговли США, Мексика, Канада (USMCA)	—	ЕС
2 контур	Зоны свободной торговли по перечню Всемирной торговой организации				
	РФ ЗСТ, ЕАЭС	КНР ЗСТ	США ЗСТ	Японии ЗСТ	ЕС ЗСТ
Концептуальный контур	Большая Евразия	Пояс и путь (BRI)	США FOIP/ IPEF	Япония FOIP	Global Gateway

Источник: составлено авторами.

Данные исследования. Для расчета индекса Джини использовались показатели численности населения государств и ВВП на душу населения в долларах по ППС в соответствии с базой данных Всемирного Банка²⁹.

²⁸ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 01.08.2024)

²⁹ База данных Всемирного Банка — World Development Indicators. The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 01.08.2024)

В отличие от большинства макроэкономических показателей численность населения и ВВП государств не имеют пропусков, то есть являются самыми доступными и полными³⁰.

Показатели Джини для России и ее контуров взаимодействия представлены на рис. 1.

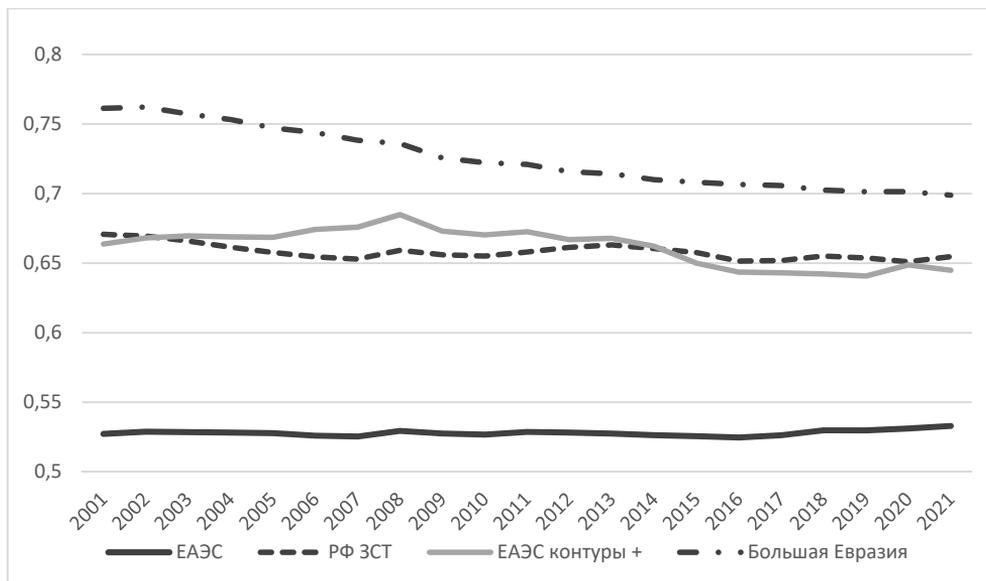

Рис. 1. Индекс Джини в рамках стратегических контуров РФ

Fig. 1. The Gini Index within the Russia strategic contours

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

Пострановые данные (рис. 1–5) показывают, что чем больше количество государств, тем выше индекс Джини и неравенство в рамках участников многосторонних инициатив, в связи с чем многосторонние инициативы сложнее координировать из-за разных интересов.

Если рассмотреть показатели контуров России (EAЭС, ЗСТ, EAЭС контуры+ и БЕП), обращает внимание устойчивое снижение индекса Джини – рост конвергенции – Большого евразийского партнерства (рис. 1).

³⁰ Вместе с тем ряд островных государств и государств с глубокими военно-политическими и экономическими проблемами (например, Йемен, Венесуэла, Сомали и др.) не отчитываются или имеют пропуски в отчетности.

Другими словами, улучшение показателя неравенства свидетельствует о том, что страны с низкими и средними доходами на пространстве Большой Евразии растут быстрее государств с высокими доходами, в этом смысле не вызывает сомнений успех БЕП в долгосрочном периоде. При этом БЕП является точкой отсчета – бенчмарком – для концептуальных проектов других центров силы на евразийском пространстве, так включает все множество государств. Другие, формальные, межгосударственные проекты РФ имеют низкий уровень неравенства и неустойчивую конвергенцию, что согласуется с результатами А.М. Либмана, полученными по СНГ до 2014 г. (Либман, 2006).

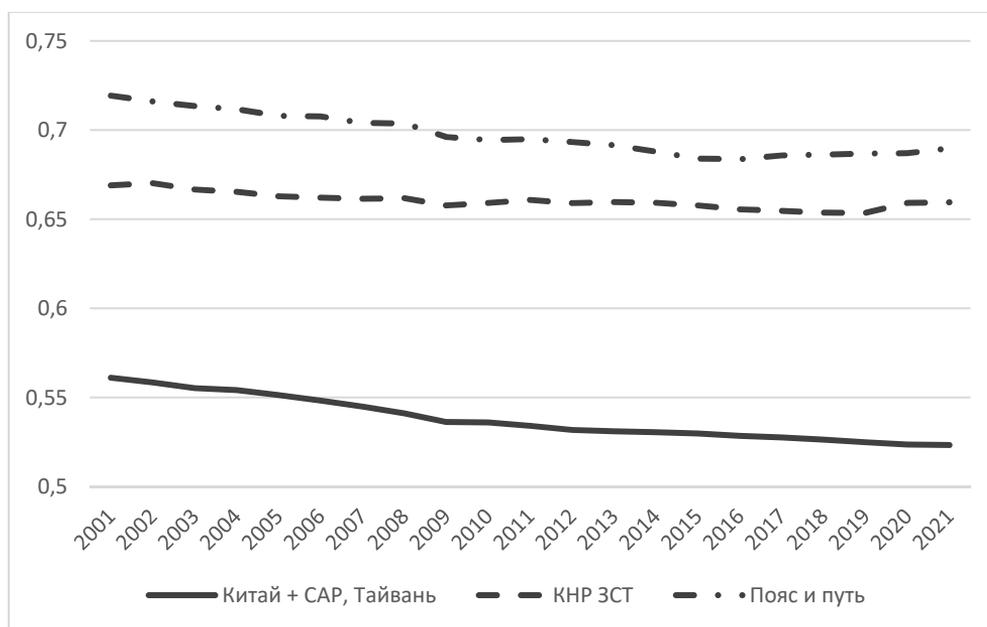

Рис. 2. Индекс Джини в рамках стратегических контуров КНР

Fig. 2. The Gini Index within the China's strategic contours

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

Динамика индекса Джини контуров КНР (рис. 2) показывает, что уровень неравенства среди государств-участников инициативы «Пояс и путь» и сети ЗСТ КНР сопоставим, конвергенция минимальная особенно в формальном контуре КНР. Сходство динамики свидетельствует

о сопоставимости применяемого аналитического инструментария экономической дипломатии КНР – они ищут партнеров одного типа. Кроме того, показательно, что снижение индекса Джини, а значит, конвергенция внутри второго и третьего контуров взаимодействия после объявления инициативы остановились.

Для США создание ЗСТ – более прагматичная стратегия в том смысле, что список партнеров США по ЗСТ состоит из союзников, государств со сходным уровнем экономического развития, которые не представляют угрозу конкурентоспособности США, поэтому не происходит конвергенции в первом и втором стратегических контурах. Большая избирательность США в сравнении с КНР, проявляющаяся в высоком неравенстве, еще раз демонстрирует, что первичные цели FOIP/IPEF являются геополитическими, а не экономическими – индекс Джини выше, и уровень неравенства FOIP/IPEF намного выше, чем во втором контуре.

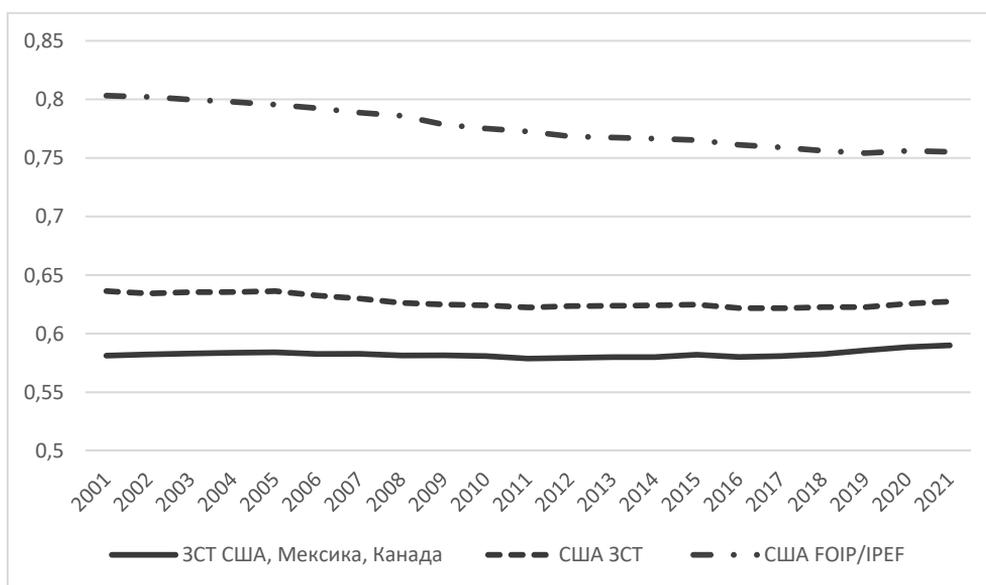

Рис. 3. Индекс Джини в рамках стратегических контуров США

Fig. 3. The Gini Index within the USA's strategic contours

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

У Японии (рис. 4) нет проекта первого контура интеграции. Концептуальный контур Японии имеет меньший уровень неравенства и более динамичную конвергенцию, чем формальный (из всех центров силы это имеет наблюдается только у Европейского союза). Это может быть объяснено тем, что, во-первых, ее геополитические амбиции умеренные в силу статуса, приобретенного по результатам Второй мировой войны, во-вторых, с меньшими размерами японской экономики, в-третьих, тем обстоятельством, что проектная деятельность Японии является комплементарной с функциональной точки зрения по отношению к стратегиям других западных государств в Азии, в первую очередь речь идет о США.

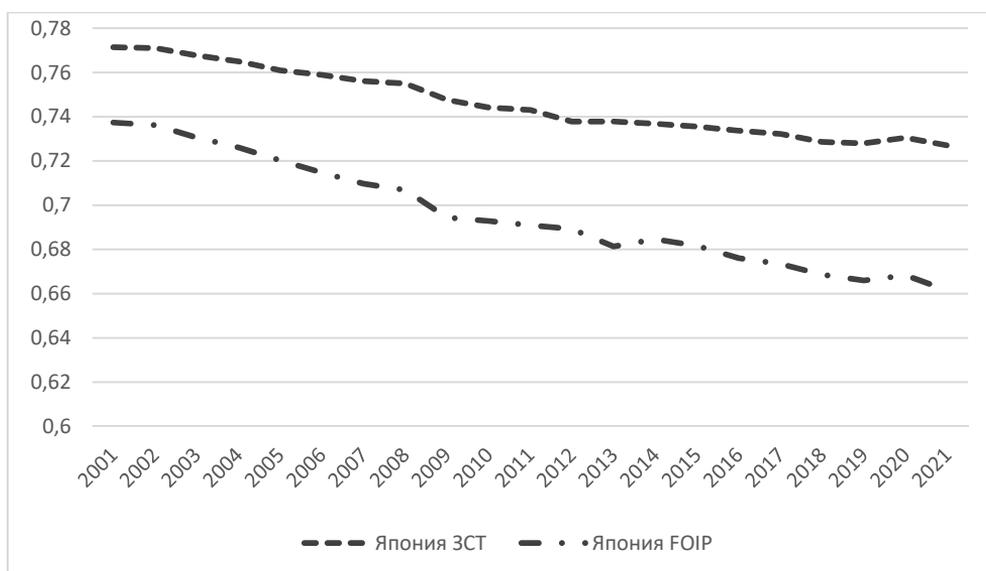

Рис. 4. Индекс Джини в рамках стратегических контуров Японии

Fig. 4. The Gini Index within the Japan's strategic contours

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

Динамика и величины индекса Джини стратегических контуров ЕС (рис. 5) имеет одновременно черты КНР и России – второй (формальный) и третий (концептуальный) контуры удалены от ключевого контура, который формируют сами государства ЕС.

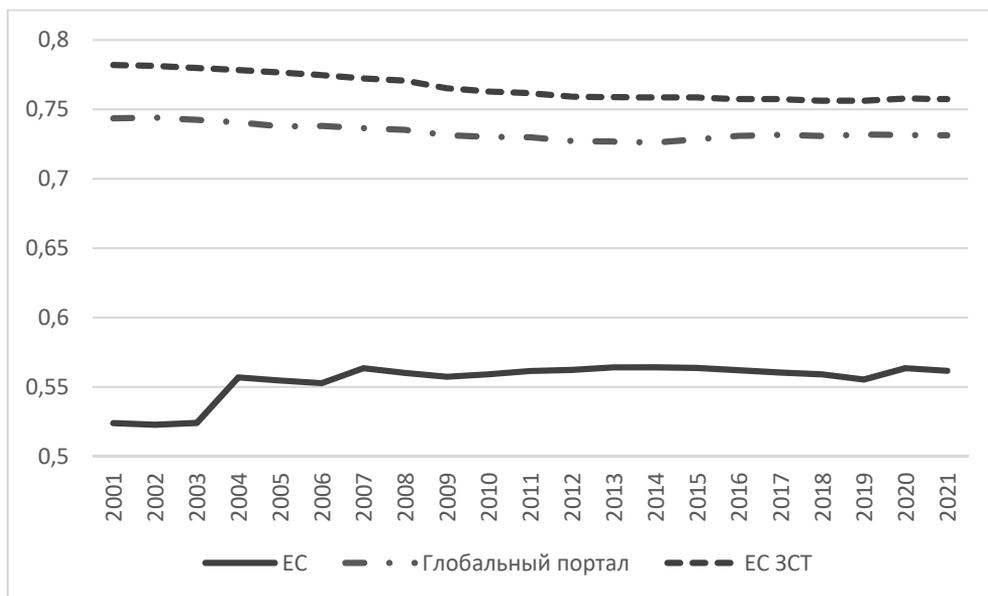

Рис. 5. Индекс Джини в рамках стратегических контуров ЕС

Fig. 5. The Gini Index within the EU strategic contours

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

При этом, как и у Японии, концептуальный контур ЕС «Глобальный портал» имеет более низкий уровень индекса Джини, то есть имеет меньшее неравенство, чем сеть второго (формального) контура. Особенностью ЕС является отсутствие тренда на снижение индекса Джини, что наиболее проявляется в ключевом и концептуальном контурах.

Перейдем к сопоставлению инициатив. Данные рисунка 6, где представлены индексы Джини проектов ключевых (первых) контуров интеграции центров силы. Сопоставление используется авторами для выявления тренда использования моделей межгосударственного взаимодействия в их ближайшем окружении и показывает, что интеграция ЕАЭС имеет минимальные показатели неравенства на противоположном полюсе находится зона свободной торговли США, Мексики и Канады – USMCA.

Расчеты индекса Джини показывают отсутствие конвергенции внутри первого контура практически у всех центров силы, исключение составляет КНР. Расчеты индекса Джини по ЕС, учитывающие его расширения, показывают, что неравенство участников после вступления государств Центральной и Восточной Европы до сих пор не «сглажено».

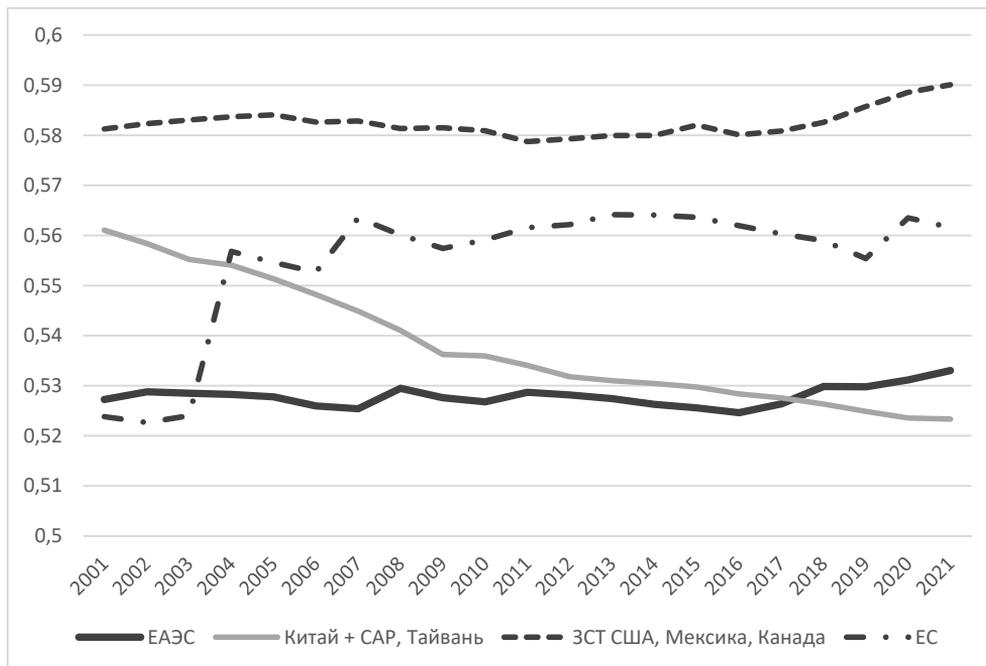

Рис. 6. Индекс Джини интеграции центров силы первого контура

Fig. 6. The Gini Index within the core integration projects of powerhouses

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

Результаты основных расчетов исследования, относящиеся к сопоставлению многосторонних инициатив центров силы, представлены на рис. 7.

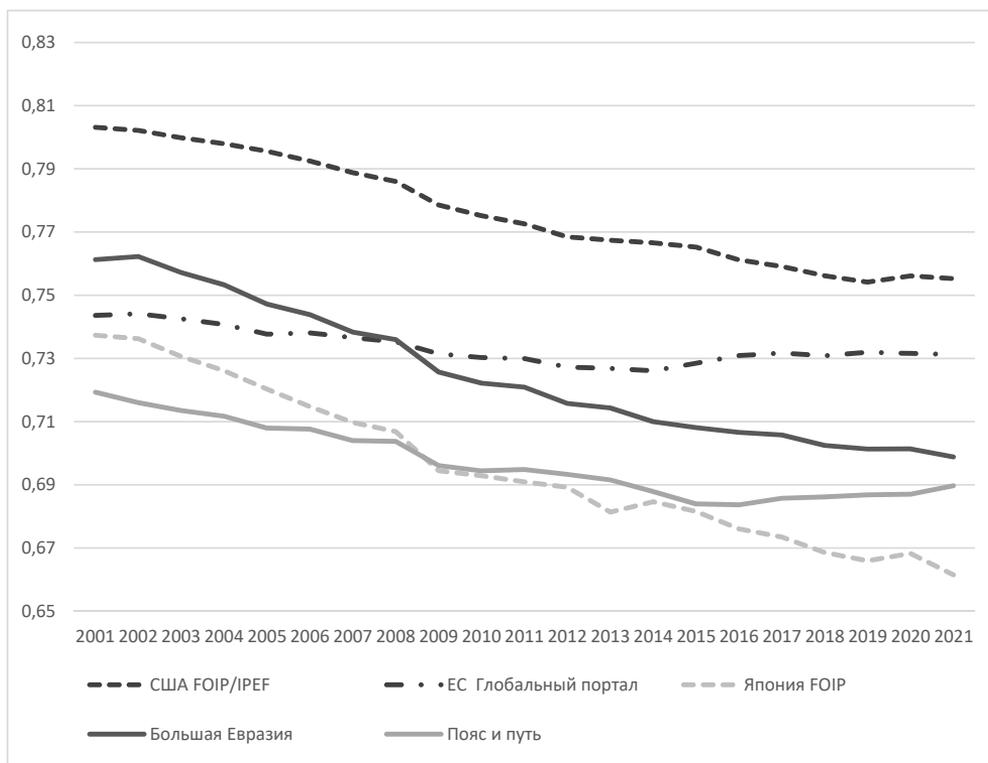

Рис. 7. Индекс Джини многосторонних инициатив центров силы

Fig. 7. The Gini Index: Multilateral Initiatives of Powerhouses

Источник: Расчеты авторов по World Development Indicators

Инициативы США «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» и «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» характеризуются самым высоким уровнем экономического неравенства из-за положения США на вершине мировой экономической и политической иерархии. Это согласуется с ранее выявленной особенностью инициативы США, а именно с ее геополитической и антагонистической направленностью. Географические рамки инициативы определены задачей сдерживания КНР и дальнейшего контроля (*power projection*) над Юго-Восточной Азией и Южной Азией, которые одновременно соседствуют с КНР – в связи с этим ориентированы на нее – и при этом являются ядром текущего

и перспективного мирового экономического роста. Дополнительным следствием экономической инициативы, реализуемой США, является консолидация союзников, так в инициативе участвуют их партнеры по QUAD³¹ и AUKUS³². В то же время в рамках государств-участников многосторонних инициатив США есть конвергенция, в первую очередь это связано с присутствием государств Восточной и Юго-Восточной Азии.

Инициатива Российской Федерации «Большое евразийское партнерство» характеризуется довольно высоким неравенством, но при этом конвергенция в контуре также растет. Это определяется целеполаганием проекта, которое предусматривает такой процесс как *сопряжение* зон свободной торговли и иных региональных интеграционных процессов на всем евразийском материке путем создания межблоковых партнерств. Это связано с тем, что в эту группу входит крупнейшая экономическая система мира с высокими доходами на душу населения – Европейский союз.

Инициативы «Пояс и путь» КНР и «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» имеют сопоставимые, самые низкие из рассматриваемых показатели неравенства и высокие темпы конвергенции. Это связано с тем, что сама КНР имеет относительно низкие доходы на душу населения по сравнению с государствами Запада, а ВВП Японии на душу населения в период «потерянных десятилетий» экономической стагнации стал существенно отставать от уровня подушевого ВВП США, с которым был сопоставим.

Инициатива «Глобальный портал» ЕС выглядит наиболее проблемной, так как будет реализовываться в государствах с высоким уровнем межгосударственного неравенства, которое не снижается, предположительно из-за низкой конвергенции самого ЕС.

Для уточнения показателей авторы рассчитали среднее значение, среднеквадратичные отклонения и наклон индекса Джини рассматриваемых групп государств (таблица 3).

³¹ QUAD. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/quad> (accessed 01.08.2024)

³² AUKUS Leaders' Announcement. U.S. Department of State URL: <https://www.state.gov/aukus-leaders-announcement/> (accessed 01.08.2024)

Таблица 3. Описательная статистика индекса Джини

	Первый контур			Концептуальный контур		
	Среднее	Среднекв. отклонение	Наклон ³³	Среднее	Среднекв. отклонение	Наклон
Россия	0,527955	0,001552	0,000101	0,725389	0,018736	-0,00343
КНР	0,537989	0,010514	-0,00192	0,697403	0,009980	-0,00174
США	0,582462	0,002018	0,000148	0,776301	0,015040	-0,00274
Япония	—	—	—	0,695777	0,020559	-0,00386
ЕС	0,554872	0,009194	0,001456	0,733694	0,004687	-0,00069

Источник: расчеты авторов.

Данные таблицы подтверждают высокий уровень неравенства в рамках выборок ключевого (первого) и концептуального контуров США (выделено жирным шрифтом), минимальное неравенство на уровне первого контура у России, в рамках ЕАЭС, на уровне концептуального контура – у FOIP Японии (выделено курсивом). Самые волатильные показатели Джини в ключевом контуре – у КНР, в концептуальном – у РФ, минимальные показатели волатильности первого контура у ЕАЭС, концептуального контура у ЕС. Максимальный уровень конвергенции первого контура у КНР, минимальный – у ЕС (в рассматриваемый период времени имеет место дивергенция), самый конвергентный концептуальные контур FOIP Японии, наименее конвергентный – у ЕС. Таким образом, среди многосторонних инициатив проект Японии имеет наиболее предпочтительные параметры, остальные инициативы имеют менее однозначные характеристики.

Общие итоги исследования следующие. Наибольшее неравенство характеризует многосторонние инициативы крупных экономических систем Глобального Севера – США и ЕС. Конвергенция характеризует инициативы, включающие государства Юго-Восточной Азии, что, тем не менее, скорее всего, не является основной причиной этого явления.

³³ Функция наклон рассчитана в Excel – это угол прямой, используемой для аппроксимации данных методом линейной регрессии. Отрицательное значение величина Наклона означает снижение индекса Джини и рост конвергенции государств выборки, положительное значение – рост индекса Джини, что соответствует дивергенции государств выборки.

Заключение

Современная система международных отношений характеризуется противостоянием Глобального Юга и Глобального Севера, которое выражается в том числе и конкуренцией центров силы в форматах крупных многосторонних «платформенных» инициатив. Многосторонние инициативы имеют широкие географические рамки и являются в одних случаях трансрегиональными, в других и трансконтинентальными и принадлежат к группе неформализованных межгосударственных объединений, различаются по своей природе и целям, что влияет на состав участников, однако в определенной степени общей чертой является то, что они опираются на развитие торгово-инвестиционных инициатив и продвижение инфраструктурных транспортных проектов.

Для понимания роли и места многосторонних инициатив в стратегическом видении центров силы авторы рассмотрели «Большое Евразийское партнерство» России, «Пояс и путь» КНР, «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»/«Индо-Тихоокеанская экономическая структура» США, «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Японии, «Глобальный портал» ЕС, оценив их с использованием данных о населении и ВВП для расчета межгосударственных индексов Джини с учетом их эволюции и изменений форматов.

Наблюдается дифференцированный подход целеполагания в стратегиях центров силы первого порядка, затрагивающих евразийское пространство. Центры силы усиливают собственные многосторонние инициативы базовыми конкурентными преимуществами с учетом инструментов, обеспечивающих их статус и развитие. Наибольший уровень неравенства характеризует многосторонние инициативы США и ЕС, при этом «Глобальный портал» имеет минимальные показатели конвергенции. Инициативы восходящих центров силы из-за их более низких подушевых доходов, в целом, характеризуются низким уровнем неравенства.

С учетом того, что в межгосударственном взаимодействии США, формирующих повестку коллективного Запада, наблюдается ориентация на военные союзы и на поддержание геополитической напряженности в условиях «новой нормальности». Например тот факт, что США совместно со странами Группы семи G7 поставили вопрос о необходимости стратегической конкуренции с КНР, объявив о совместном инфраструктурном проекте «Построить лучший мир заново» (Build Back Better World) в странах с низким и средним уровнем дохода. Таким образом, коллективный Запад выстраивает альянс по сдерживанию других центров силы и их стратегий по формированию новой архитектуры мирового порядка.

Эти обстоятельства определяют целесообразность выбранной стратегии восходящих центров силы России и КНР о сопряжении инициатив. Выстраивание конкуренции Глобального Севера и Глобального Юга через соперничество центров силы.

Таким образом, в рамках дополняющих друг друга многосторонних инициатив наблюдается структура геополитического и геоэкономического противостояния Глобального Севера и Глобального Юга.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда соглашение № 23-28-00160 (внутренний номер темы Н-235-2_2023-2024).

Received: August 27, 2024

Accepted: October 1, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-8-35

UDC: 327

International Politics / Research article

Convergence and Divergence in Multilateral Initiatives of Leading Powers

Igor D. Komarov, PhD in History, Specialist in Organizational Work of the 2nd category of the Information and Analytical Department, Research Fellow Lobachevsky Research Agency, Institute of International Relations and World History, Research Fellow, Department of International Economics and Customs Affairs (Institute of Economics and Entrepreneurship), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). Gagarina ave., 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022.

Maria L. Gorbunova, Doctor of Science (Economy), Associate Professor, Head and Leading Research Fellow of the Department of International Economics and Customs Affairs (Institute of Economics and Entrepreneurship), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Gagarina ave., 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603022.

Abstract: The emergence of multilateral initiative states and integration associations of the world, including the “Belt and road” of China, the “Greater Eurasian Partnership” of the Russian Federation, the “Free and Open Indo-Pacific Region” of the USA and Japan, the “Global Gateway” of the EU is an element of the rivalry between the mentioned powers. Within the system of international relations, this trend creates a complex interdependence among States with a different position in the global socio-political and economic hierarchy. Comparing multilateral initiatives represents a relatively new and promising research topic. The authors examine the convergence or divergence of separate multilateral initiatives by an assessment of the trends in income inequality among participating States. The income inequality is obtained through a calculation of cross-border Gini index for GDP per capita.

The research conclusions are following. First, the presence of the authors revealed multilateral initiatives in cooperation with developing groups in all major states - development centers and details of such projects by the PRC, USA, Russian Federation, Japan and EU. Second, the elements of goal-setting and in the composition of the participants lead to a conclusion that multilateral initiatives of great powers at the same time constitutes an example of both power projection and complex interdependence typical to the periods of globalization trend in the evolution of international relations.

Furthermore, the study results showed that the rising powers Russia and China, alongside Japan – a traditional power – have less inequality and better convergence rates within their multilateral initiatives. The US initiative has the highest level of inequality, but there is a convergence. The EU initiative has both a high inequality and the minimal dynamic convergence.

Thus, the approach used by the authors to assess the inequality and convergence of multilateral initiatives based on the calculation of the cross-border Gini index demonstrates comparative inequality with sufficient completeness and characterizes the processes of convergence and divergence of multilateral initiative.

Keywords: powers, multilateral initiatives of great powers, Gini index, Greater Eurasian Partnership, Belt and Road, Free and Open Indo-Pacific, Global Gateway

Conflicts of interest: the authors have no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Degterev, D.A. (2019). Multipolar World Order: Old Myths and New Realities, *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 404-419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Degterev, D.A., Ramich, M.S., & Cvyk, A.V. (2021). USA – China: “power transit” and contours of “conflict bipolarity”, *Vestnik RUDN. International Relations*, 21 (2), 210-231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
- Keohane, R., & Nye, J. (1973). Power and Interdependence. *Survival*, 15 (4), 158-165. DOI: 10.1080/00396337308441409
- Keohane, R., & Nye, J. (2012). *Power and Interdependence*. 4th edition. Boston, Longman.
- Kim, Y., & Indeo, F. (2013). The New Great Game in Central Asia Post 2014: The US “New Silk Road” Strategy and Sino-Russian Rivalry. *Communist and Post-Communist Studies*, 46 (2), 275-286. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.03.005
- Kireeva, A.A. (2020). The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. *Russia in Global Affairs*, 3(71), 98-127. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-98-127
- Li, S., & Wang, C. (2014). Chinese political science on the meaning and perspective of the Eurasian Union. *International Processes*, 12 (38), 70-82.
- Li, X. (2019). The “Absence” of Asian Regional Economic Integration and the Development Orientation of the Belt and Road. *Social Sciences in China*, 40 (1), 132-147. DOI: 10.1080/02529203.2019.1556484
- Libman, A.M. (2006). The role of economic integration and disintegration in the post-Soviet space: a quantitative analysis. *Studies on Russian Economic Development*, 17, 498-507.
- Lombaerde, P. De, Moldashev, K., Qoraboyev, I., & Taghon, S. (2022). Strategic responses of regional economic organizations to the Chinese Belt and Road Initiative: the cases of ASEAN, EAEU, and EU. *Asia Pacific Business Review, Latest Articles*, 1-21. DOI: 10.1080/13602381.2022.2093526
- Min, Y. (2015). China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road. *Asian Security*, 11 (3), 206-224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509
- Reich, S., & Lebow, R.N. (2014). *Good-Bye, Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press
- Tekdal, V. (2017). China’s Belt and Road Initiative: at the crossroads of challenges and ambitions. *The Pacific Review*, 31(1), 1-18. DOI: 10.1080/09512748.2017.1391864
- Ageev, A.I., Loginov, E.L. & Bortalevich S. I. (2016). Bol'shoye yevraziyskoye partnerstvo: proyekt, vstrechnyy Transtikhookeanskomu partnerstvu [The Great Eurasian Partnership: a project counter to the Trans-Pacific]. *Bol'shoye yevraziyskoye partnerstvo: proyekt, vstrechnyy Transtikhookeanskomu partnerstvu*, 18 (6 (140)), 20-31. (In Russian).
- Belchenko, M. A. (2014). Ot Tamozhennogo soyuza k Yedinomu ekonomicheskomu prostranstvu [From the Customs Union to the Common Economic Space]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, 2 (50), 78-87. (In Russian)
- Glazyev, S. Yu. (2019). Kontseptual'nyye predlozheniya po prakticheskoy realizatsii idei Bol'shogo Evraziyskogo partnerstva [Conceptual proposals for the practical implementation of the idea of the Greater Eurasian Partnership]. *Ekonomicheskiye strategii*, 21, 1 (159), 6-17. (In Russian)
- Glazyev, S. Yu. (2019). Bol'shoye yevraziyskoye partnerstvo: sozidaya novyy mir [The Great Eurasian Partnership: creating a new world]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 1(27), 18-20. (In Russian).

Gorbunova, M.L., & Komarov, I.D. (2016). Gibridnyye mekhanizmy mnogostoronnego ekonomicheskogo sotrudnichestva – novoye yavleniye vo vneshney politike KNR [Hybrid mechanisms of multilateral economic cooperation – a new phenomenon in China's foreign policy]. *International Organizations Research Journal: Education, Science, New Economy*, 11 (3), 82-98. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-82 (In Russian).

Istomin, I. A. (2023). Vashington–Seul–Tokio v doktrine Baydena [Washington–Seoul–Tokyo in the Biden doctrine]. *Russia in Global Politics*, 21 (3), 208-212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212

Kadochnikov, P.A., & Stapran, N.V. (2016). Transtikhookeanskoye partnerstvo: osnovnyye obyazatel'stva uchastnikov i posledstviya dlya mezhdunarodnoy trgovli [Trans-Pacific Area: The Basic Obligations of the Participants and the Consequences for International Trade]. *Rossiyskiy vneshnejekonomicheskij vestnik*, 2, 21–31. (In Russian).

Luzyanin, S.G., & Sazonov, S.L. (2015). Ekonomicheskiy poyas Sholkovogo puti: model' 2015 g [The Economic belt of the Silk Road: A model of 2015 Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obzrevatel' – Observer, 5 (304), 3-46. (In Russian)

Литература на русском языке:

Агеев А.И., Логинов Е.Л., Борталевич С.И. (2016). Большое евразийское партнерство: проект, встречный Транстихоокеанскому партнерству. Журнал «Экономические стратегии», № 6. С. 20-31.

Бельченко М.А. (2014). От Таможенного союза к Единому экономическому пространству. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. № 2 (50). С. 78-87.

Глазьев С.Ю. (2019). Большое евразийское партнерство: созидая новый мир. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 1. С. 18-20.

Глазьев С.Ю. (2019). Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого Евразийского партнерства. *Экономические стратегии*. № 1. С. 6-17.

Горбунова М.Л., Комаров И.Д. (2016). Гибридные механизмы многостороннего экономического сотрудничества – новое явление во внешней политике КНР. № 3. С. 82-98.

Истомин И.А. (2023). Вашингтон–Сеул–Токио в доктрине Байдена. *Россия в глобальной политике*. № 3. С. 208-212.

Кадочников П.А., Стапран Н.В. (2016). Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 21-31.

Лузянин С.Г., Сазонов С. (2015). Экономический пояс Шёлкового пути: модель 2015 г. *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer*. № 5. С. 35-46.

Внешиполитический курс Республики Корея в отношении арктического региона: перспективы использования Северного морского пути

А.В. ИВАНОВ¹

Институт востоковедения РАН (Россия)

Аннотация

В статье анализируются изменения внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Арктики, а именно факторы и причины, побуждающие Сеул рассматривать Северный морской путь как основной логистический маршрут для поставок товаров, а так же выгоды от взаимного укрепления сотрудничества с Российской Федерацией в данной сфере. Среди основных факторов, повышающих значимость Северного морского пути для Республики Корея, выделяются зависимость экономики Кореи от внешней торговли, геополитическая ситуация (сложности взаимоотношений с КНДР, обострение палестино-израильского конфликта и ситуации на Ближнем Востоке в целом), потребность в снижении сроков поставок и других транзакционных издержек, удорожание поставок по традиционным маршрутам. Автор дает оценку влияния антироссийских западных санкций на реализацию проектов в Арктике, в том числе по строительству ледоколов, освоению маршрутов и т.д. В статье также сопоставлены интересы России, Республики Корея и других арктических государств в развитии Северного морского пути, которое носит взаимовыгодный характер.

Ключевые слова

арктическая стратегия, Арктический регион, контейнерные перевозки, конфликт в Красном море, Республика Корея, Северный морской путь, судоходство, Сеул, Южная Корея

Для цитирования

Иванов А.В. (2024). Внешнеполитический курс Республики Корея в отношении арктического региона: перспективы использования Северного морского пути. *Управление и политика, 3(3)*. С. 36–46. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-36-46

¹ **Иванов Антон Вячеславович** – лаборант-исследователь Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН. 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12.
E-mail: sda_amo@mail.ru

Одним из регионов мира, куда устремлено в последние десятилетия внимание ведущих государств мира, является Арктика. Это обусловлено, в первую очередь, запасами энергетических ресурсов, в частности углеводородов. Согласно проведенным исследованиям, разведанное количество залегающей нефти составляет более 100 млрд т., а газа более чем 50 трлн куб. м. Суммарное количество природного газа по различным оценкам составляет около 1450 трлн куб. м. Кроме того, в регионе сосредоточены немалые залежи цветных и драгоценных металлов.

Кроме того, регион обладает широкими транспортными возможностями. В связи с глобальным потеплением и неутешительными прогнозами о неотвратимом таянии ледников в северных морях все больше стран, особенно азиатских, видят потенциальную возможность транспортировки грузов через Арктику в обозримом будущем (Истомин, Леус, 2009). Не стала исключением и Республика Корея, обратившая свое внимание на Северный морской путь (СМП), который, по многочисленным прогнозам специалистов по климату, должен полностью освободиться от льда к 2050 году. Данный маршрут, находящийся под патронажем России, может в обозримом будущем стать возможностью по значительному снижению временных и финансовых издержек для Сеула. Обладая протяженностью около 4 000 км, что короче на 30% чем традиционный маршрут через Суэцкий канал, СМП бесспорно считается кратчайшим маршрутом из Азии в Европу. По этой причине существует большая вероятность, что при должном уровне развития необходимой инфраструктуры и судоходства по нему он сможет претендовать на роль торговой магистрали международного значения и изменить в дальнейшем всю структуру морской логистики. В настоящее время более чем двадцать государств мира, среди них и Республика Корея, рассматривают СМП как потенциально выгодный маршрут, и сотрудничество с Российской Федерацией по его использованию является ключевым (Евдокимов и др., 2000).

Интересы Сеула в Арктике

Правительство Республики Корея в настоящий момент активно пересматривает свой внешнеполитический курс в отношении арктического региона. Основными факторами, послужившими этому, являются интенсивно растущий логистический, энергетический и ресурсный потенциал Арктики, а также конфликт в секторе Газа и ситуация вокруг Красного моря, ставящие под угрозу безопасность морских маршрутов в данном регионе. Приоритетными направлениями деятельности в Арктике Сеул считает подготовку необходимой инфраструктуры для экономической деятельности, усиление влияния страны, в том числе в целях эксплуатации в будущем Северного морского пути (СМП).

Интерес Сеула к данному региону связан с географическими и экономическими особенностями: из-за сложностей взаимоотношений с КНДР, единственными транспортными путями РК с другими странами являются морской транспорт и воздушное сообщение (Истомин, Леус, 2009). Кроме того, экономика страны основана на торговле, а уровень зависимости от внешней торговли составляет приблизительно 90%. В то же время, доля судоходства в общем объеме торговли страны составляет около 98%, что делает морские коммуникации жизненно важным и незаменимым фактором существования государства.

Южная Корея ищет средства сокращения сроков доставки энергоносителей и других товаров в корейские порты. В данное время Сеул импортирует энергоресурсы главным образом из стран Ближнего Востока и нуждается в разработке других источников поставок, чтобы обеспечить гарантии их стабильности. Это означает, что освоение Арктики поможет правительству страны обеспечить долговременную безопасную поставку энергоресурсов. Для корейцев СМП является наиболее привлекательным транспортно-логистическим маршрутом. При его эксплуатации расстояние для перевозки грузов между Пусаном и Роттердамом сократится на 32% (с 22 тыс. до 15 тыс. км) и на 10 дней (с пяти до трех недель). В связи с этим, экономическая привлекательность СМП для Сеула более чем

очевидна. Есть все основания полагать, что северный маршрут послужит значительному возрастанию грузоперевозок из Европы в Южную Корею через российские Арктику и Дальний Восток. Подобный сценарий и развитие добычи полезных ископаемых на севере России ожидаемо приведут к возрастанию объема грузоперевозок данных ресурсов в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) и увеличению интенсивности перевозок углеводородов между странами Европы и ЮВА (Суслина, 2015).

Еще одним фактором привлекательности СМП для Сеула, и в целом для многих азиатских стран, является его безопасность, что стало особенно актуальным после начала нового палестино-израильского конфликта. Боевые действия Израиля с ХАМАС привели к активизации йеменских повстанцев – хуситов, которые, при поддержке Ирана, стали осуществлять нападения на суда, идущие под флагом стран лояльных Израилю. Неоднократные ответные удары США и их союзников, а также проводимые ими мероприятия по патрулированию вод в целях обеспечения безопасности мореплавания оказались безрезультатны, и в настоящее время риски судоходства в данных морских районах по-прежнему остаются крайне высокими.

Более чем 11% всех объемов поставляемых нефтепродуктов и около 9% СПГ, а также все основные поставки промышленных и потребительских товаров проходят через Суэцкий канал, причем объемы транспортировки постоянно росли до начала кризиса. Действия хуситов в Красном море и, как следствие, повышение риска повреждения и захвата судов привели к значительному росту как стоимости, так и времени доставки на классических морских маршрутах из Европы в Азию и обратно. Корабли вынуждены идти по удлинённому пути, минуя мыс Доброй Надежды, что увеличивает продолжительность рейсов на 12-16 суток. Морские перевозчики требуют дополнительную оплату за транзит судов через зону повышенного риска, если принимается решение все же идти через Суэцкий канал.

Соответственно резко возросла стоимость перевозки контейнеров, которая сейчас составляет около 4,2 тыс. долл. (рост более чем на 180%) за стандартный контейнер (сорок футов) при перевозке из Азии в страны

Европы. Аналитики подсчитали, что в случае затягивания конфликта и ситуации в Красном море не исключено возвращение индекса фрахтовых ставок (FBX11) к максимальным – уровня 2021 года, когда перевозка одного контейнера обходилась около 11 тыс. долл. Снизился в настоящий момент более чем в 2,5 раза и суммарный объем перевозимых через Красное море товаров. Как следствие значительно растет и стоимость страхования (с 0,15 до 0,5% от стоимости груза). Не стоит забывать, что фрахтовые ставки отражаются на мировой инфляции: принято считать, что увеличение тарифов в два раза вызывает рост мировой инфляции примерно на 0,7%.

Кроме того, периодически возникают аварийные ситуации и в Суэце, которые непосредственно оказывают влияние на непрерывность логистики и приводят к значительным задержкам и потерям. В 2021 г. судно Ever Given временно застряло в Суэцком канале, что привело к задержке поставок в объеме 12% мировой торговли и привело к убыткам в 9 млрд долл. в день. В свете повторения подобных ситуаций, перспективы надежного и безопасного СМП выглядят более чем привлекательно.

Кроме «Совкомфлота», судоходством в Арктике занимаются компании из Северной Европы и Азии с судами ледового класса (Bekkers et al., 2016). Северные перевозчики из Дании, Германии и Нидерландов в основном осуществляют транспортировку ресурсов из России и Канады. Среди иностранных перевозчиков китайские перевозчики, безусловно, наиболее активны в арктических перевозках. С 2013 г. китайская государственная судоходная компания COSCO² осуществила в общей сложности 56 рейсов, перевезла различные грузы, в том числе ветроэнергетическое оборудование, целлюлозу, тяжелые и генеральные грузы (Chou et al, 2017). Ожидается, что на основе своего опыта в арктическом судоходстве COSCO в стратегической перспективе будет способствовать развитию

² China COSCO Shipping Corporation Limited – китайская государственная судоходная, логистическая и промышленная корпорация, входит в сотню крупнейших компаний страны. Основана в 2016 г. в результате слияния активов государственных конгломератов COSCO и China Shipping Group. Штаб-квартира расположена в Шанхае. По состоянию на 2020 г. China COSCO Shipping являлась крупнейшей судоходной компанией мира, опережая по сумме выручки (44,6 млрд долл.) таких мировых гигантов, как Maersk Group (39,2 млрд долл.) и CMA CGM (30,2 млрд долл.).

регулярных морских перевозок между Азией и Европой через СМП. Однако ввиду антироссийской санкционной политики Запада даже COSCO до сих пор не провела ни одного рейса через СМП.

Примеры арктических перевозок корейских компаний включают рейс по транспортировке нефти, осуществленный компанией Hyundai Glovis в 2013 г., перевозку тяжелых грузов CJ Logistics в 2015 г., перевозку тяжелых грузов Pan Ocean в 2016 г. и интермодальную перевозку тяжелых грузов SLK Kukbo в Казахстан через СМП (Морозов, Клименко, 2015; Журавель, 2016). Поскольку объемы грузов на СМП продолжают увеличиваться, спрос на новые суда ледокольного класса высок, а корейские судостроители особенно заинтересованы в строительстве судов с высокой добавленной стоимостью. В Сеуле компания Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering заказала 15 ледокольных танкеров-газовозов для проекта «Ямал-СПГ» в российской Арктике, все из которых поставлены. Корейские судостроители, такие как Samsung Heavy Industries и Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, также участвуют в текущем проекте «Арктик СПГ-2», но проект сталкивается с трудностями, поскольку некоторые контракты на перевозки СПГ были расторгнуты в 2022 г.

Стратегия Южной Кореи в отношении СМП

Санкции Запада против России серьезно повлияли на судоходство по СМП и российские проекты по разработке ресурсов в Арктике. Поскольку ожидается, что специальная военная операция по защите Донбасса какое-то время будет еще продолжаться, южнокорейские компании, за исключением судостроителей, ожидают ее окончания, чтобы наладить маршруты доставки грузов через СМП. Сеул самым внимательным образом продолжает изучать и готовиться к возможности развития СМП как альтернативного судоходного маршрута.

С этой целью южнокорейскими специалистами постоянно отслеживается ход реализации плана развития СМП российской стороной и изменения внешнеполитической ситуации в отношении нашей страны в целом. Эксперты заявляют, что из-за международно-политической

ситуации сроки реализации российского плана развития СМП не будут соблюдены. Согласно плану, Россия должна достичь объема в 80 млн т. грузов по данному маршруту в 2024 г., однако вызванные санкциями проблемы не позволят этого сделать. Предусмотренные Планом развитие портовой инфраструктуры, а также сопутствующей наземной транспортной инфраструктуры существенно задерживается из-за нехватки технологий и капитала, а также приостановки дноуглубительных работ в портах арктических ресурсодобывающих регионов России и задержки строительства порта Владивосток по причине ухода ряда западных компаний. Остро ощущается нехватка судов ледового класса из-за задержек в строительстве атомных ледоколов.

Сеул продолжит наблюдать за реализацией Россией Плана развития СМП до 2035 г. (далее – План), и будет постепенно повышать свое участие как в перевозках, так и в российских проектах, связанных с СМП. Например, заявляется, что в корпорация «Росатом», планирует провести опытную эксплуатацию ледокольных контейнеровозов в 2025-2026 гг. на российском судостроительном комплексе «Звезда» (г. Большой Камень, Приморский край). Ожидается, что при положительных успехах и продолжения реализации данной программы Сеул будет заинтересован в дальнейших заказах на постройку судов данного типа и совместных проектах по их производству в будущем.

Кроме того, Республика Корея заинтересована в развитии порта Пусан в качестве одного из крупнейших узлов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Черкашин, 2014). При активном и успешном развитии судоходства по СМП, перевалочным узлом на востоке станет Владивосток, что позволит корейцам увеличить объемы транспортировки через Пусан за счет участия в контейнерно-фидерном сервисе между этими городами. Для сохранения своей позиции второго по величине транспортно-перевалочного узла в мире после Сингапура, Сеулу будет необходимо соединить Пусан с такими маршрутами как СМП и Трансполярным морским путем³.

³ Отношения между Россией и Республикой Корея в сферах политики и экономики. Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Республике Корея. URL: <https://korea-seoul.mid.ru/otnosenia-mezdu-rossiej-i-respublikoj-korea-v-sferahpolitiki-i-ekonomiki> (дата обращения: 14.03.2024).

Южнокорейские эксперты полагают, что рассматривать СМП прямо сейчас в качестве основного логистического маршрута преждевременно. Так как даже китайская COSCO проявляет осторожность в отношении деятельности в арктическом регионе ввиду санкций⁴. Вместе с тем, на среднесрочную и долгосрочную перспективу СМП и связанные с ним проекты по постройке судов ледового класса выглядят для Сеула крайне привлекательным. С их точки зрения, массовые контейнерные перевозки по СМП начнутся примерно в 2035 г. До этого времени будут транспортироваться природный газ и нефтяные продукты, а также грузы, связанные с разработкой месторождений в российском арктическом регионе (На, Seo, 2014). Кроме того, корейцы заявляют о трудностях реализации Москвой своих планов по постройке необходимого количества ледоколов. Россия заявляла о намерении выпустить в эксплуатацию 132 судна арктического класса. В этой же программе строительство 46 кораблей для аварийно-спасательного флота и специальной авиации. Главными игроком на Северном морском пути должны стать атомные ледоколы проекта 10510 «Лидер». Силовая установка кораблей развивает рекордные 120 МВт, что в два раза больше, чем у ледоколов проекта 22220. В планах построить не менее трех «Лидеров», предназначенных в первую очередь для скоростной проводки по льдам крупнотоннажных судов. Еще одно сравнение – ширина самых больших в мире ледоколов проекта 22220 составляет 34 метра, а у строящегося «Лидера» – 47,7 метра. Провести по льдам супертанкер наподобие Knock Nevis вряд ли получится, но для прохода судна типа Maersk PEARU его возможностей хватит.

Однако даже в случае соблюдения всех планов производства, ледокольного флота все равно недостаточно. Темпы роста перевозок по СМП растут стремительнее, чем ожидалось, что требует больше судов. Если с транспортными судами еще как-то можно разобраться, например, закупить корабли «условно ледового класса», то с ледоколами такое решение не подходит.

⁴ South Korea completes first North Sea Route voyage. Port Technology. URL: https://www.porttechnology.org/news/south_korea_completes_first_north_sea_route_voyage (дата обращения: 14.03.2024); Южная Корея готова построить ледокол для развития Севморпути. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20171107/1508284557.html> (дата обращения: 14.03.2024)

Производство судов и до западных санкций было недешевым – каждый суперледокол «Лидер» обходился в 130 млрд рублей, а класс 22220 – в 60 млрд. По ценам 2023 г. каждый «Лидер» оценивается в 200 млрд рублей. При этом смещается срок принятия судна в эксплуатацию уже сейчас смещается на более поздний. Первоначально первый ледокол проекта «Лидер» должен был появиться в декабре 2027 г. Теперь его появление на Северном морском пути ожидается не ранее 2029 г. в связи с нехваткой рабочих рук на верфи «Звезда» и задержкой с поставками комплектующих. Корабли проекта «Лидер» также дорожают до 200 млрд рублей каждый, что влечет за собой много проблем, главная из которых – рост тарифов за проводку судов. В самом сложном случае это нивелирует всю привлекательность СМП, прежде всего, для иностранных судовладельцев.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что для Москвы сотрудничество с Сеулом по вопросам совместного освоения СМП является взаимовыгодным, так как Южная Корея имеет огромный опыт в создании технологий и строительстве морской инфраструктуры, а также обладает необходимыми возможностями и ресурсами по оказанию содействия в постройке ледоколов и ледовых судов. Также Сеул ранее начинал сотрудничество по вопросам освоения СМП с Москвой, и многократно проводил переговоры по данному вопросу. Есть все основания полагать, что существуют все необходимые предпосылки по возобновлению и наращиванию сотрудничества в этой области между двумя странами.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: May 20, 2024
Accepted: August 9, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-36-46
UDC: 327
International Politics / Research article

The Republic of Korea's Foreign Policy in the Arctic Region: Prospects for the Northern Sea Route

Anton V. Ivanov, Research Assistant, Center for Scientific and Analytical Information,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russia, 107031.
E-mail: sda_amo@mail.ru

Abstract: The article analyzes changes in the foreign policy of the Republic of Korea regarding the Arctic, namely the factors and reasons prompting Seoul to consider the Northern Sea Route as the main logistics route for the supply of goods, as well as the benefits of strengthening cooperation with the Russian Federation in this area. The main factors increasing the importance of the Northern Sea Route for the Republic of Korea embrace the dependence of the Korean economy on foreign trade, the geopolitical situation (difficulties in relations with the Democratic People's Republic of Korea, the aggravation of the Palestinian-Israeli conflict and the situation in the Middle East as a whole), the need to reduce delivery period and other transaction costs, and the rise in the cost of deliveries along traditional routes. The author assesses the impact of Western anti-Russian sanctions on the implementation of projects in the Arctic, including the construction of icebreakers, the development of routes, etc. The article also compares the interests of Russia, the Republic of Korea and other Arctic states in the development of the Northern Sea Route, which is mutually beneficial.

Keywords: Arctic strategy, Arctic region, container shipping, Red Sea conflict, Republic of Korea, Northern Sea Route, shipping, Seoul, South Korea

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Bekkers, E., Francois, J.F., Rojas-Romagosa, H. (2016). Melting Ice Caps and the Economic Impact of Opening the Northern Sea Route. *The Economic Journal*, 128 (610), 1095-1127. DOI: 10.1111/eoj.12460
- Chou, M.T., Chou, T.Y., Hsu, Y.R., Lu, C.P. (2017). Fuel Consumption Ratio Analysis for Transiting from Various Ports and Harbours in Asia through the Northern Sea Route. *The Journal of Navigation*, 70, 859-869. DOI: 10.1017/S0373463317000078
- Ha, Y.S. & Seo, J.S. (2014). The Northern Sea Route and Korea's Trade with Europe: Implications for Korea's Shipping Industry. *International Journal of e-Navigation and Maritime Economy*, 1, 73-84. DOI: 10.1016/j.enavi.2014.12.007

Cherkashin, P. (2014). *Plany Respubliki Koreya v otnoshenii Arktiki i perspektivy rossiysko-yuzhnokoreyskogo sotrudnichestva v etom regione* [Plans of the Republic of Korea with respect to the Arctic and prospects of Russian-South Korean cooperation in this region]. RIAC. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/1433/> (accessed: 14.03.2024)

Evdokimov, Yu.A. & Batskikh, Yu.M., Istomin, A.V. (2000). Severnyy morskoy put': problemy, vozmozhnosti, perspektivy vozrozhdeniya [The Northern Sea Route: Problems, Opportunities, Prospects for Revival]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2, 101-112.

Istomin, A.V. & Leus, S.M. (2009). Severnyy morskoy put': organizatsionno-ekonomicheskiye problemy vozrozhdeniya i razvitiya [The Northern Sea Route: Organizational and Economic Problems of Revival and Development]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka*, 2 (23), 27-32.

Morozov, Yu.V. & Klimenko, A.F. (2015). Kitay i drugiye gosudarstva Severo-Vostochnoy Azii v «Arkticheskoy gonke» [China and other Northeast Asian states in the "Arctic race"]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 20, 173-191.

Suslina, S.S. (2015). Rossiya – Yuzhnaya Koreya: dostizheniya i rezervy ekonomicheskogo sotrudnichestva [Russia - South Korea: achievements and reserves of economic cooperation]. *Aziya i Afrika segodnya*, 12 (701), 2-8.

Zhuravel, V.P. (2016). Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, the Republic of Korea, Japan in the Arctic: Politics, Economics, Security]. *Arktika i Sever*, 24, 112-144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112

Литература на русском языке:

Евдокимов Ю.А., Бацких Ю.М., Истомин, А.В. (2000). Северный морской путь: проблемы, возможности, перспективы возрождения. *Экономическая наука современной России*. № 2. С. 101-112.

Журавель В.П. (2016). Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность. *Арктика и Север*. № 24. С. 112-144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112

Истомин А.В., Леус С.М. (2009). Северный морской путь: организационно-экономические проблемы возрождения и развития. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. № 2 (23). С. 27-32.

Морозов Ю.В., Клименко А.Ф. (2015). Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке». *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. № 20. С. 173-191.

Суслина С.С. (2015). Россия – Южная Корея: достижения и резервы экономического сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. № 12 (701). С. 2-8.

Черкашин П. (2014). *Планы Республики Корея в отношении Арктики и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в этом регионе*. РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/1433/> (дата обращения: 14.03.2024)

Предпосылки к усилению противоречий между Ираном и Афганистаном из-за использования ресурсов реки Гильменд

Д.А. СИНЕЛЬНИКОВ¹

Институт востоковедения РАН (Россия)

Аннотация

Со второй половины XX века для стран Большого Ближнего Востока вопросы, связанные с обеспечением водными ресурсами, приобретают первостепенное значение. В первую очередь это связано с тем, что на фоне непрерывного увеличения спроса на жизненно необходимый ресурс, практически полностью отсутствует его общедоступная альтернатива.

Водный кризис в Иране за последние 10 лет стал проблемой государственного масштаба. На этом фоне руководство страны вынуждено в более жесткой форме отстаивать свои права на совместное использование трансграничных водных ресурсов. При этом, если с некоторыми соседними государствами проблемы совместного водопользования начали проявляться относительно недавно, то с Афганистаном водные споры за ресурсы реки Гильменд уже имеют более полуторазековую историю. За это время страны успели накопить множество противоречий, которые не позволяют им до сих пор найти устраивающий каждую из сторон выход из сложившейся ситуации.

Автор приходит к выводу, что нынешняя ситуация с распределением водных ресурсов трансграничной реки Гильменд не устраивает ни одну из сторон. При этом Иран, расположенный в нижнем течении реки, находится в заведомо проигрышном положении, так как Афганистан может использовать выгодное географическое положение для продвижения собственных интересов. Обстановка вокруг спора Ирана и Афганистана за водные ресурсы является крайне нестабильной и имеет потенциал к резкому обострению. Проблема, обусловленная историческими противоречиями и другими факторами, рассматриваемыми в статье, приобретает для обеих стран критические масштабы, дальнейшее игнорирование которой может привести к обострению конфликта.

¹ **Синельников Дмитрий Андреевич** – ведущий специалист Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН. 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12.
E-mail: sda_amo@mail.ru

Ключевые слова

Гильменд, Афганистан, Иран, водная проблема, трансграничные водные ресурсы, противоречия

Для цитирования

Синельников Д.А. (2024). Предпосылки к усилению противоречий между Ираном и Афганистаном из-за использования ресурсов реки Гильменд. *Управление и политика*, 3(3). С. 47–63. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-47-63

На территории Большого Ближнего Востока (ББВ) в последнее десятилетие наблюдаются постоянные засухи и аномально высокие температуры. Дефицит водных ресурсов становится одной из основных проблем этого региона.

Исследование Института мировых ресурсов (The World Resources Institute), опубликованное в 2023 г., выявило, что в настоящее время около 50 стран имеют высокий дефицит воды, при этом 25 из них имеют критические показатели. Из тех стран, которые сталкиваются с экстремально высокими показателями водного стресса, 15 расположены на территории ББВ².

Региональные государства испытывают острую нехватку воды по ряду причин. К ним можно отнести: рост численности населения, бурное экономическое развитие и изменение климатических условий. Также непосредственное влияние на ситуацию оказывает загрязнение воды и ее неэффективное использование из-за применения устаревших технологий. Вследствие эксплуатации далеких от совершенства систем ирригации и сетей водоснабжения в некоторых странах потери воды достигают 60%.

Нехватка воды, вызванная климатическими и географическими особенностями местности, усугубляется политическими разногласиями между странами и военными конфликтами, характерными практически для всех государств ББВ. В этих условиях обеспечение водной безопасности становится одним из важнейших факторов для дальнейшего развития стран (Синельников, 2022).

² 25 Countries, Housing One-quarter of the Population, Face Extremely High Water Stress. Water Resources Institute. URL: <https://www.wri.org/insights/highest-water-stressed-countries> (accessed 01.03.2024).

В настоящее время выделяется несколько групп регионов мира, где потенциал возникновения водных конфликтов особенно высок. К первой группе традиционно относят страны ББВ, среди которых одну из ведущих позиций занимает Исламская Республика Иран (ИРИ). В последнее время, именно из-за водной проблемы обострились отношения между этим государством и Афганистаном. Из-за неправильного распределения водных ресурсов из трансграничной реки Гильменд у стран возникают регулярные споры, которые пока удастся разрешить при помощи переговорного процесса, но иногда они перерастают в локальные конфликты (Сабир, 2023).

Река протекает по Иранскому нагорью и имеет площадь бассейна около 500 тыс. кв. км. Ее истоки находятся в горной системе Центральной Азии – Гиндукуш. Гильменд считается одной из критически важных водных артерий Афганистана. Основная часть реки протекает по территории Афганистана и впадает в иранское озеро Хамун (Большая Советская Энциклопедия, 1969-1978). На иранской территории река представлена несколькими рукавами, которые со временем меняют свое русло.

В бассейне Гильменда проживает около 6,5 млн человек, представляющих три страны – Афганистан, Иран и Пакистан. Принимая во внимание тот факт, что на долю Пакистана приходится лишь 4% площади бассейна и страна не имеет значительных притоков в реку, Исламабад скорее занимает по вопросам совместного использования трансграничных водных ресурсов позицию статиста. Ключевые позиции в этом вопросе остаются у Афганистана, который контролирует более 85% площади бассейна (Safi, (2021).

Несмотря на то, что Гильменд с протяженностью в 1150 км не входит в списки самых длинных рек в мире, его значение для этих двух стран невозможно недооценивать. Водные ресурсы трансграничной реки широко используются каждой из стран для орошения расположенных в непосредственной близости от ее русла сельскохозяйственных угодий. Наряду с этим, это один из немногих источников питьевой воды и рыболовства. При этом для Ирана воды реки Гильменд и питаемого ей озера Хамун фактически являются единственным источником этого необходимого

для ведения сельскохозяйственной деятельности ресурса в провинции Систан и Белуджистан (СиБ)³. На ирригацию приходится около 95% всего водозабора из реки и ее суббассейнов⁴.

Стоит отметить, что СиБ единственная провинция в ИРИ, в которой по результатам переписи населения от 2016 года проживает больше сельского населения (51%), чем городского. В стране показатель городского населения составляет около 74%⁵. Это лишний раз подтверждает, что для жителей Систана и Белуджистана вопросы нехватки воды являются крайне чувствительными и способны спровоцировать антиправительственные протесты. Этим объясняется повышенное внимание руководства Ирана к данной проблеме.

Споры из-за деления воды в низовьях Гильменда делятся уже более 150 лет. Изначально это были больше территориальные противоречия, однако со временем ситуация изменилась, что привело к раздору из-за водопользования трансграничными водными ресурсами. Проблема уже продолжительное время не находит решения. Ситуация особенно обострилась после того, как на реке и его главном притоке Аргандабе были построены плотины, препятствующие подаче воды на иранскую территорию в летнее время.

В 1872 и 1903 гг. англичане несколько раз предпринимали попытки разрешить афгано-иранские споры (комиссии генерала Фредерика Голдсмита в 1872 г. и Мак-Магона в 1903 г.) (Ежов, 2007).

Генерал Голдсмит предложил разграничить Систанскую (Сейстанскую) область между Персией и Афганистаном по руслу реки Гильменд. В 1872 г. под руководством британского подданого состоялось заседание комиссии, по итогам которой граница была проведена от горного хребта Сиях-Кух вдоль главного русла Гильменда до Кухека, где шла по прямой линии до Кухи-Малики-Сиях в юго-западном направлении, оставляя

³ King M., Sturtewagen B. Making the Most of Afghanistan's River Basins, Opportunities for Regional Cooperation. EastWest Institute & Gerda Henkel Stiftung. February, 2010. URL:https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/Afghanistan_Water.pdf (accessed 02.03.2024).

⁴ Yildiz, D. Afghanistan's Transboundary Rivers and Regional Security. World Water Diplomacy & Science News. April, 2017. URL:https://www.researchgate.net/publication/321297554_Afghanistan's_Transboundary_Rivers_and_Regional_Security_1 (accessed 04.03.2024).

⁵ Nada G. Iran's Troubled Provinces: Baluchistan. The Iran Primer. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/aug/06/iran-troubled-provincesbalu-chistan> (accessed 04.03.2024).

оба берега Гильменда к югу от Кухека во владении Афганистана. Согласно решению комиссии, ни Тегеран, ни Кабул с этого момента не должны были проводить там никаких работ, которые могли бы оказать влияние на орошение территории, где в настоящее время расположена плотина Камаль-Хан. Тогда же было определено, что Иран имеет право на 2/3 стока реки (Hamilton, 1911).

В 1891 г. Гильменд изменил свое русло, что спровоцировало очередное обострение обстановки, так как государства не смогли разрешить свои пограничные разногласия. Афганская сторона осталась в более выигрышном положении и придерживалась позиции, что граница теперь проходит по новому руслу. Персов такое положение дел не устраивало, что приводило к постоянным спорам и росту напряженности. Ситуация продолжала стремительно ухудшаться, однако персидский шах обратился к британскому правительству и попросил пересмотреть итоги миссии генерала Голдсмита для того, чтобы окончательно решить возникшие территориальные разногласия и определить постоянную пограничную линию.

В результате переговоров в 1902 г. была сформирована новая комиссия под руководством британского подданного майора Мак-Магона. В течение года прошла основная часть работ, после чего стороны в апреле 1904 г. признали старое русло Гильменда в качестве новой границы между государствами, которая с этого момента должна была оставаться постоянной в независимости от изменения течения реки.

В конце 1904 г. майор Мак-Магон написал рапорт, в котором доложил об окончании демаркационных работ на афгано-персидской границе. Помимо этого, сторонам снова была доведена информация о недопущении производства каких-либо работ в области ирригации. Однако в этот раз ключевым итогом работы комиссии стал пересмотр деления объема стока уже в пользу Афганистана, и теперь Кабул получил право на 2/3 стока реки (Алиев, 2004).

В целом, этот период времени можно охарактеризовать как время существенного английского влияния на Афганистан и принимаемые руководством этой страны решения. Персию, которой частичную поддержку оказывала Российская Империя, такое положение дел не устраивало, что

приводило к усилению разногласий между государствами. Предпринимаемые Лондоном попытки решить накапливающиеся противоречия между двумя странами путем разграничения Систанского региона по главному руслу реки Гильменд, приводили лишь к усилению напряженности во взаимоотношениях Афганистана и Персии. Фактически действия английской стороны стали отправной точкой зарождения перманентных споров двух государств, которые продолжаются до сих пор.

Ситуация стала постепенно меняться к началу XX века, когда положение Англии в Юго-Западной Азии оказалось не таким прочным, как того хотели сами англичане. В первую очередь это произошло из-за наметившихся изменений как в международной политике, так и внутри самой страны. На фоне экономического кризиса промышленное превосходство Лондона неуклонно снижалось. Политическая система страны, из-за частой смены министров и постоянных споров в парламенте, также переживала непростой период. В результате чего происходящие в Великобритании события не позволили ей также активно продвигать свои интересы на Ближнем Востоке (Казем-заде, 2004).

Следующим важным этапом стало обретение Афганистаном независимости, которую он получил в результате третьей англо-афганской войны в 1919 г.⁶ Это противостояние стало для англичан одним из самых тяжелых за всю историю войн с этой страной. От поражения Великобритании спасло лишь техническое превосходство над противником и хорошая подготовка командного состава. Фактически война завершилась, окончательно не выявив победителя. Однако это в итоге это позволило Афганистану восстановить независимость и укрепить свое положение в мире.

Через два года состоялось дипломатическое признание Персией Афганистана, в результате чего стороны подписали договор о дружбе. В 1934 г. страны заверили дополнительный протокол о дружбе, который утвердил прохождение государственной границы в низовьях реки Гильменд.

⁶ Anglo-Afghan Wars (1839-1919). URL: <https://www.geeksforgEEKS.org/anglo-afghan-wars> (accessed 06.03.2024).

Очередной этап обострения отношений последовал после того, как США приступили к экономической экспансии Афганистана. Под воздействием продвигаемых американской стороной проектов, позиция афганского руководства по поводу совместного использования трансграничных вод Гильменда начала меняться.

В 1946 г. Афганистан, несмотря на негативную реакцию со стороны Ирана, подписал контракт на строительство плотин на реках Гильменд и Аргандаб, а также ирригационных сетей в долинах этих рек с американской компанией «Моррисон-Надсен». Соглашение подразумевало начало строительства гидротехнических сооружений в счет ранее предоставленного американской стороной кредита на сумму в 17,4 млн долларов (Коргун, 2004). Однако этих денег не хватило и из-за допущенных просчетов проектировщиков, работы продолжались более двух десятилетий, что сказалось на финансовом положении Афганистана.

Иранское руководство осталось недовольно из-за того, что афганская сторона нарушила подписанный ранее двусторонний договор и приступила к строительству плотин на вышеуказанных реках. В 1947 г. в Систане наступила продолжительная засуха, которая привела к падению уровня поступающей воды в Иран. Местное население сразу же обвинило в произошедшем соседнее государство, действия которого, по мнению жителей Систана, спровоцировали острую нехватку воды (Nagheeby & Warner, 2022).

Из-за проводимых афганской стороной ирригационных работ в пойме реки Гильменд, напряжение между странами продолжало нарастать. В итоге руководство Ирана посчитало действия соседнего государства противоправными и для решения возникшей проблемы намеревалось обратиться в Совет Безопасности ООН. Тогда Вашингтон сумел убедить Тегеран решить вопрос иным путем и предложил свои посреднические услуги в назревшем афгано-иранском споре. США настаивали на создании независимой комиссии, включающей различных международных экспертов, члены которой должны были изучить технические аспекты использования трансграничных водных ресурсов и предложить свои рекомендации, устраивающие каждую из сторон.

Комиссия была создана в 1948 г., а в 1951 г. ее сотрудники представили рекомендации по распределению воды между Афганистаном и Ираном. Рабочая группа согласилась со сделанными в 1904 г. выводами майора Мак-Магона и установила, что основная проблема возникла из-за хаотично построенных оросительных каналов и неправильного отвода вод уже имеющихся ресурсов. Однако главной ошибкой в работе комиссии была неправильная оценка потребностей населения двух стран в воде, так как она проводилась без учета нужд в этом ресурсе группы озер Хамун, расположенных в Систанской впадине. Принимая во внимание этот факт, можно констатировать, что вынесенные комиссией предложения по совместному использованию трансграничных рек, в большей степени не устроили Иран⁷. В итоге американская миссия завершилась ничем, так окончательно и не решив возникающие между странами противоречия.

Периодически переговоры между странами возобновлялись. Так, в 1960 г. состоялся визит премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда в Иран, в ходе которого стороны попытались решить продолжительные разногласия, связанные, в том числе и с проблемами совместного использования трансграничных водных ресурсов реки Гильменд. Однако из-за того, что Тегеран не готов был идти ни на какие уступки и занял по этому вопросу жесткую позицию, встреча оказалась безрезультативной.

После этого Афганистан, руководство которого предпринимало со своей стороны попытки решить возникшую проблему с Ираном, параллельно прорабатывал варианты по улучшению своих позиций в вопросах обеспечения водными ресурсами. Итогом этой работы стала организация в первой половине 1960-х гг. специальной экспедиции, состоящей из афганских и советских экспертов. Основной целью группы стало изучение низовья реки Гильменд. Проведение подобного рода работ было необходимо Кабулу для выявления наиболее благоприятного места под строительство новой плотины, которая должна была сохранить основную часть поступающей воды на территории Афганистана. По завершении исследования специалисты выдали заключение о том, что географический

⁷ Report of the Helmand river delta commission (Afghanistan and Iran). February, 1951. URL: <http://www.scottshelmandvalleyarchives.org/docs/evl-51-18.pdf> (accessed: 17.03.2023).

ландшафт не позволяет создать водохранилище такого объема, который устраивал афганскую сторону. Несмотря на это, афганцы не отказались от своих намерений и в последствии построили там гидротехническое сооружение меньшего объема.

Нельзя категорически утверждать, что в рассмотренный отрезок времени проблема разделения трансграничных водных ресурсов рассматривалась руководством Афганистана и Ирана в качестве проблемы государственного масштаба. Каждая страна по-разному относилась к возникающим противоречиям. В первую очередь это было связано с тем, что Афганистан фактически не рассматривал этот вопрос в качестве основной угрозы своего существования, так как страна была расположена в верхнем течении реки и могла при необходимости влиять на ее сток. Для Ирана ситуация складывалась гораздо хуже, так как государство в большей степени было подвержено воздействию климатических катаклизмов. Это заставляло иранское руководство отстаивать свое право на пользование водой и искать различные варианты решения проблемы. В частности, в 1968 г. премьер-министр Ирана Амир Аббас Ховейда с целью решения имеющихся противоречий предложил афганской стороне беспопытно использовать для транзита своих товаров порт Бандар-Аббас, расположенный в Персидском заливе.

Очередным триггером, обнажившим существующие между Ираном и Афганистаном проблемы, стал период сильной засухи (1970-1971 гг.) в нижнем течении реки (Nagheeby & Warner, 2018). Тогда иранские юго-восточные провинции фактически остались без воды, что вынудило руководство страны провести своеобразную переориентацию внешней политики на афганском направлении. В это время в Иране осознали тот факт, что для решения возникающих с соседней страной водных противоречий, следует рассчитывать только на собственные силы, минимизируя участие в этих процессах внешних игроков.

Стороны приступили к переговорам, однако на начальном этапе Тегеран отклонял практически все поступающие предложения. В 1972 г. руководство страны все-таки приняло решение пойти на уступки и согласилось с требованиями Афганистана, который настаивал на том,

что государство должно получать большую часть воды в засушливые годы. После этого стороны приступили к подготовке генерального соглашения, протокола об учреждении совместного комитета для назначения комиссаров, ответственных за распределение воды и протокола об урегулировании споров.

Итогом этой работы стало подписание в 1973 г. соглашения об использовании водных ресурсов. Согласно достигнутым договоренностям, афганская сторона обязалась бессрочно поставлять в юго-восточные иранские провинции 22 куб. м/сек воды (Мамедова, 2011). Также Кабул оставил за собой право в качестве жеста доброй воли увеличивать нормы поставляемой воды на 4 куб. метра.

Из-за того, что в июле 1973 г. в Афганистане произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришел Мухаммед Дауд, афганская сторона не ратифицировала этот договор (Peter, 2001). Несмотря на это, каждая из стран до сих пор придерживается позиции, что возникающие проблемы из-за распределения водных ресурсов трансграничной реки Гильменд необходимо решать, опираясь на соглашение 1973 г.

Стоит отметить, что при подписании договора, стороны впервые смогли договориться об установлении минимального количества воды, доступ к которой должен обеспечить Афганистан в течение полноводного периода. Наряду с этим Афганистану и Ирану удалось найти компромисс и договориться о введении необходимых корректировок в случае усиления влияния климатических факторов на сток воды. Также страны впервые прописали в соглашении свои права и обязанности, как государств, расположенных выше и ниже по течению реки Гильменд. В договоре был отдельно прописан пункт, запрещающий Афганистану проводить какие-либо работы, вызывающие сокращение иранской квоты и загрязнение воды. Также, с целью недопущения создания конфликтных ситуаций, было принято решение о недопустимости проведения любых манипуляций по укреплению берегов реки на пограничном участке без совместного согласования перечня необходимых работ.

В итоге население соседних с Афганистаном иранских провинций начало получать около 811 млн куб. м воды в год, что составляло менее 9% от среднего запас поверхностных вод во всем бассейне (9552 млн куб. м). Что касается потребностей воды в Систане, то этот показатель составлял менее 14% от общего спроса на ресурс (Thomas & Varzi, 2015).

Несмотря на очевидные сдвиги и предпринимаемые руководством обеих стран усилия, ситуация продолжала оставаться напряженной. Уже в ноябре 1973 г. на афгано-иранской границе произошел вооруженный затяжной конфликт. В результате которого было убито около 70 афганских солдат. Дальнейшее расследование показало, что основной причиной обострения стало изменение русла реки Гильменд на пограничном участке. Это привело к смещению государственной границы, установленной странами в 1934 г. Из-за этого образовался ничейный участок территории площадью около 600 кв. м, претензии на который обозначила каждая из сторон. Тогда страны смогли договориться и не стали придавать этому инциденту широкую огласку. Эта ситуация в очередной раз продемонстрировала, что несмотря на достигнутые договоренности и подписание договора, противоречия между странами по-прежнему сохранились.

Новые споры между правительствами двух стран возникли во время намерений афганской стороны построить плотину Камаль-Хан. Иран сразу же выразил свое недовольство, аргументировав это тем, что она ограничит приток воды из реки Гильменд в иранскую провинцию Систан и Белуджистан. Фактически Кабул нарушил ранее подписанные договоренности, в которых был прописан пункт о запрете строительства любых технических сооружений в местах русла трансграничной реки без согласия каждой из сторон. Афганистан же, игнорируя интересы своего соседа, сделал это в одностороннем порядке, заявив, что реализация данного проекта пойдет всем на пользу, так как это позволит управлять водным потоком.

Работы по возведению объекта были доверены американским специалистам и начались в 1974 г. (Khaksar, 2020). Однако из-за начавшейся в 1978 г. в Афганистане Саурской революции, проект пришлось заморозить (Вестади, 1994). Строительство плотины в афганской провинции

Нимроз, в непосредственной близости от иранской границы, возобновилось в августе 2011 г. Сдача объекта в 2021 г. стала еще очередной отправной точкой в возобновлении споров между Афганистаном и Ираном за распределение воды из трансграничной реки.

Было очевидно, что проблема рано или поздно вновь приведет к очередному конфликту. В итоге ситуация ухудшилась в марте 2021 г. Катализатором очередного обострения стало решение президента Афганистана Ашрафа Гани о закрытии плотины на реке Гильменд, что частично лишило воды население иранской провинции Систан и Белуджистан. Афганская сторона намеревалась таким образом надавить на Иран и получить взамен необходимого количества воды нефть.

Приход в августе 2021 г. представителей Движения талибов к власти также не внес какую-либо определенность в полуторазековой спор между двумя странами за воду. Напротив, новое афганское правительство стало в одностороннем порядке устанавливать нормы подачи воды, что привело к усилению напряженности в двусторонних отношениях. Ситуация резко обострилась весной 2023 г., когда сильная засуха и действия талибов привели к снижению уровня воды, поступающей в Иран. Это привело к пересыханию озера Хамун, обеспечивающего водой население провинции Систан и Белуджистан⁸.

На текущий момент Афганистану при поддержке иностранных инженеров удалось построить на Гильменде три плотины – Каджаки, Бахшабад и Камал-Хан (Сабир, 2023). На этом фоне иранское руководство регулярно обвиняет соседнюю страну в невыполнении своих обязательств по Гильмендскому договору от 1973 г. Недовольство Тегерана в первую очередь связано с предпринимаемыми Кабулом шагами по строительству новых плотин и дамб, которые наносят иранской системе водоснабжения колоссальный урон⁹.

⁸ Вода довела Афганистан до вооруженного столкновения с Ираном. URL: https://www.ng.ru/courier/2023-06-18/10_8750_water.html (дата обращения: 12.03.2024).

⁹ وزارت انرژی و آب: تشویشهای ایران در مورد بند کمال خان بیجا است (Министерство энергетики и водных ресурсов: беспокойство Ирана по поводу плотины Камал-Хан не имеет под собой основания). URL: http://www.dailyafghanistan.com/national_detail.php?post_id=122325 (дата обращения: 11.03.2024).

Фактически с 1973 г., когда стороны подписали последний договор, Кабул неоднократно нарушал взятые на себя обязательства, однако в большинстве случаев это происходило из-за политической нестабильности в стране (Меркулова, 2007). До определенного момента, пока Афганистан не приступил к полноценной реализации своих проектов в дельте реки Гильменд, Иран все устраивало, так как страна получала необходимый, а зачастую и больший объем воды и распоряжалась ей без оглядки на потребности соседа (Окимбеков, 2016).

* * *

Таким образом, основные предпосылки к усилению противоречий между Ираном и Афганистаном были заложены внешними силами на различных исторических этапах.

С 1870-х гг. непосредственное влияние на зарождение споров между странами из-за использования трансграничных водных ресурсов бассейна реки Гильменд оказывала Великобритания. Предпринимаемые Лондоном в тот промежуток времени попытки решить возникающие разногласия путем разграничения Систанского региона по главному руслу реки Гильменд лишь усилили напряженность во взаимоотношениях двух государств. Фактически, действия английской стороны можно считать своеобразным триггером, который оказал непосредственное влияние на зарождение противоречий между странами из-за совместного использования трансграничных водных ресурсов.

Ситуация начала меняться после третьей англо-афганской войны 1919 г., которая позволила Афганистану восстановить свою независимость. Однако с 1921 г. началось постепенное укрепление позиций США в Афганистане, которое со временем переросло в американскую экономическую экспансию, продлившуюся до Саурской революции 1978 г.

Именно эти два временных отрезка можно считать ключевыми элементами в развитии противоречий между Афганистаном и Ираном. Предпринимаемые в то время попытки по установлению и созданию правовой базы для урегулирования конфликта, стали основой для подписания в 1973 г. Гильмендского договора, который должен был окончательно

решить все споры. Однако ситуация не изменилась и между странами по-прежнему сохраняются напряженные отношения, которые периодически перерастают в вооруженные столкновения.

Очевидно, что складывающаяся на текущий момент ситуация с распределением водных ресурсов трансграничной реки Гильменд не устраивает ни одну из сторон. При этом Иран, расположенный в нижнем течении реки, находится в заведомо проигрышном положении, так как Афганистан может использовать фактор своего более выгодного географического положения для продвижения собственных интересов.

Текущее развитие ситуации позволяет предположить, что нынешняя обстановка вокруг спора Ирана и Афганистана за водные ресурсы, является крайне нестабильной и может резко обостриться. На современном этапе эта проблема, обусловленная как уже сложившимися историческими противоречиями, так и рядом иных факторов (ростом численности населения, промышленной и аграрной модернизацией, ограниченностью объемов воды, некомпетентной политикой), приобретает для обеих стран критические масштабы, дальнейшее игнорирование которой может привести к значительному обострению обстановки.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: May 20, 2024

Accepted: July 16, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-47-63

UDC: 327

International Politics / Research article

Prerequisites for Increasing Contradictions between Iran and Afghanistan over the Use of Transboundary Water Resources of the Helmand River

Dmitry A. Sinelnikov, Leading Specialist, Center for Scientific and Analytical Information, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russia, 107031.
E-mail: sda_amo@mail.ru

Abstract: Since the second half of the 20th century, issues related to the provision of water resources have become of paramount importance for the countries of the Greater Middle East. First of all, this is due to the fact that against the backdrop of a continuous increase in demand for a vital resource, there is almost no publicly available alternative.

The water crisis in Iran has become a national problem over the past 10 years. Against this background, the country's leadership is forced to defend its rights to the joint use of transboundary water resources in a more stringent manner. At the same time, while with some neighboring states problems of joint water use began to appear relatively recently, with Afghanistan water disputes over the re-sources of the Helmand River already have a history of more than a century and a half. During this time, the countries have managed to accumulate many contradictions, which still do not allow them to find a way out of the current situation that suits each of the parties.

The author concludes that the current situation with the distribution of water resources of the transboundary Helmand River does not suit either side. While Iran, located in the lower reaches of the river, is in a clearly losing position, Afghanistan can use its advantageous geographical position to advance its own interests. The situation around the dispute between Iran and Afghanistan over water resources is extremely unstable and has the potential for a sharp aggravation. The problem, fueled by historical contradictions and other factors discussed in the article, is acquiring critical status for both countries, and its further ignoring might lead to an aggravation of the conflict.

Keywords: Helmand, Afghanistan, Iran, water problem, transboundary water resources, contradictions

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Hamilton, A. (1911). Afghanistan (Herat and Kandahar Provinces). Tashkent: Publishing House of the District Quartermaster General's Office of the Turkestan Military District Headquarters.

Khaksar, M.R. (2020). Helmand River International. *Journal of Scientific and Research Publications*, 2, 128-132.

Nagheeby, M. & Warner, J. (2018). The Geopolitical Overlay of the Hydropolitics of the Harirud River Basin. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*, 18 (6), 839-860.

Nagheeby, M. & Warner, J. (2022). The 150-Year Itch: Afghanistan-Iran Hydropolitics Over the Helmand River. *Water Alternatives*, 3, 551-573.

Peter, R. (2001). *Blood*, ed. Afghanistan: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress.

Safi, P.G. (2021). Sharing-Benefit Management of Transboundary Water Resources in Afghanistan (Case-study Helmand River Basin). *Молодой ученый*, 17 (359), 134-135.

Thomas, V. & Varzi, M.M. (2015). A Legal Licence for an Ecological Disaster: The Inadequacies of the 1973 Helmand/Hirmand Water Treaty for Sustainable Transboundary Water Resources Development. *International Journal of Water Resources Development* 31, 4, 499-518.

Aliev, S.M. (2004). *Istoriya Irana. XX vek* [History of Iran. XX century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 649 p.

Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya: v 30 tomakh. (1969-1978) [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. Vol. 6. Ed.-in-chief A.M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 676 p. (in Russian)

Ezhov, G.P. (2007). *Khronika afgano-iranskikh otnosheniy. Rol' i mesto Irana v regione* [Chronicle of Afghan-Iranian relations. The Role and Place of Iran in the Region]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 195-198. (in Russian)

Kazem-zade, F. (2004). *Bor'ba za vliyaniye v Persii: diplomaticheskoye protivostoyaniye Rossii i Anglii* [The Struggle for Influence in Persia: Diplomatic Confrontation between Russia and England]. Moscow: Centerpoligraf. (in Russian)

Korgun, V.G. (2004). *Istoriya Afganistana. XX vek.* [History of Afghanistan. XX century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 529 p. (in Russian)

Mamedova, N.M. (2011). *Iranskiye interesy v Afganistane i osnovnyye parametry irano-afganskikh otnosheniy. Sovremennyy Afganistan i sopredel'nyye strany* [Iranian Interests in Afghanistan and the Main Parameters of Iranian-Afghan Relations. Modern Afghanistan and Adjacent Countries]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 74-75. (in Russian)

Merkulova, I. (2007). *Rol' i mesto Irana v regione. Iran i Afganistan: ekonomicheskoye sotrudnichestvo na sovremennom etape* [The Role and Place of Iran in the Region. Iran and Afghanistan: Economic Cooperation at the Current Stage]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 156-158. (in Russian)

Okimbekov, U.V. (2016). *Ekonomika Afganistana (proizvodstvennaya infrastruktura)* [Economy of Afghanistan (production infrastructure)]. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 387-390. (in Russian)

Plotnikov, N.D. (2022). *Vodnyy krizis na Blizhnem Vostoke* [Water crisis in the Middle East]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 52 p. (in Russian)

Sabir, F. (2023). *Afganistan i Iran. Vodnyye voyny: Chto proiskhodit na iransko-afganskoy granitse? Afganistan i sosed'i* [Afghanistan and Iran. Water wars: What is happening on the Iranian-Afghan border? Afghanistan and its neighbors]. Tashkent: Scientific and information center of the Interstate Coordination Water Commission of Central Asia, 5-12. (in Russian)

Sinelnikov, D.A. (2022). *Iran v vodnoy geopolitike Blizhnemvostochnogo regiona. Situatsiya na Blizhnem Vostoke i v Severnoy Afrike – sushchestvuyushchiye i potentsial'nyye problemy regiona, vozmozhnyye puti ikh resheniya* [Iran in the water geopolitics of the Middle East region. The situation in the Middle East and North Africa - existing and potential problems of the region, possible ways to solve them: Proc. int. scientific-practical. seminar]. August 29, 2022. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 45-50. (in Russian)

Vestad, O.A. (1994). Nakanune vvoda sovetских voysk v Afganistan. 1978-1979 gg. [On the Eve of the Introduction of Soviet Troops into Afghanistan. 1978-1979]. *New and Contemporary History*, 2, 19-35.

Литература на русском языке:

Алиев С.М. (2004). *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН. 649 с.

Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах. (1969-1978). Т. 6 / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. 676 с.

Вестад О.А. (1994). Накануне ввода советских войск в Афганистан. 1978-1979 гг. *Новая и новейшая история*. № 2. С. 19-35.

Ежов Г.П. (2007). Хроника афгано-иранских отношений. Роль и место Ирана в регионе. М.: ИВ РАН. С.195-198.

Казем-заде Ф. (2004). *Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии*. М.: Центрполиграф.

Коргун В.Г. (2004). *История Афганистана. XX век*. М.: ИВ РАН. 529 с.

Мамедова Н.М. (2011). Иранские интересы в Афганистане и основные параметры ирано-афганских отношений. *Современный Афганистан и сопредельные страны*. М.: ИВ РАН. 2011. С. 74-75.

Меркулова И. (2007). Роль и место Ирана в регионе. *Иран и Афганистан: экономическое сотрудничество на современном этапе*. М.: Институт востоковедения РАН. С. 156-158.

Окимбеков У.В. (2016). *Экономика Афганистана (производственная инфраструктура)*. М.: Институт востоковедения РАН. С.387-390.

Плотников Н.Д. (2022). *Водный кризис на Ближнем Востоке*. М.: ИВ РАН, 52 с.

Сабир Ф. (2023). Афганистан и Иран. Водные войны: Что происходит на иранско-афганской границе? *Афганистан и соседи*. Ташкент: Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. С. 5-12.

Синельников Д.А. (2022). Иран в водной геополитике Ближневосточного региона. *Ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке – существующие и потенциальные проблемы региона, возможные пути их решения*: Материалы межд. науч.-практич. семинара. 29 августа 2022 года. М.: ИВ РАН. С. 45-50.

Геополитическая структура Ближнего Востока

А.Б. ПОГОСЯН¹

Институт востоковедения РАН (Россия)

Аннотация

Целью данной статьи является описание геополитической структуры Ближнего Востока и анализ факторов, препятствующих становлению региональной подсистемы. Среди ключевой причины незрелости региональной подсистемы международных отношений в регионе Ближнего Востока автор выделяет отсутствие государства-лидера или организации, способных стать ядром подсистемы, отсутствие стремления у региональных субъектов действовать на основе общих интересов, а также отсутствие инклюзивной региональной идентичности ввиду культурной и этнической гетерогенности, наличие конфликтов, также других хронических проблем безопасности (терроризм и пр.). Интеграционные инициативы, способные стянуть регион в подсистему, в настоящее время также переживают кризисный период. Автор утверждает, что регион Ближнего Востока является скорее международно-политическим пространством, где протекают связанное межкультурное, политическое, экономическое и другое взаимодействие без политического единства. Приводятся три возможных сценария развития отношений между региональными центрами силы в процессе формирования региональной подсистемы.

Ключевые слова

Ближний Восток, региональная подсистема, региональные лидеры, нерегиональные игроки, пространство, геополитика, геополитическая структура

Для цитирования

Погосян А.Б. (2024). Геополитическая структура Ближнего Востока.. *Управление и политика*, 3(3). С. 64–73. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-64-73

¹ **Погосян Александр Бабкенович** – лаборант-исследователь, Центр научно-аналитической информации Института востоковедения РАН. 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12.
E-mail: sashapogosyan@mail.ru

Ближний Восток, как и большинство других регионов мира за последние 200 лет развития международных отношений являлся скорее объектом, чем субъектом формирования международной политической системы. С окончанием эпохи европейского колониализма в середине XX в. страны региона получили более широкие возможности в вопросах самоуправления и отстаивания интересов на международной арене. С момента исламской революции в Иране в 1979 г. в регионе появилось государство, стремившееся к формированию политической системы (созданию исламского государства), опиравшееся на собственные ресурсы и исключавшее тесное взаимодействие с иностранными силами. В дальнейшем распад СССР и попытки США сформировать и укрепить однополярный миропорядок путем применения силы подтолкнули страны региона к проведению еще более независимой от внешних игроков политики. Однако данный процесс скорее связан с увеличением потенциала и роли региональных сил на мировой арене, чем со снижением влияния внерегиональных игроков на Ближнем Востоке. Результатом стало усложнение характера связей между всеми игроками в регионе, включая отношения между региональными лидерами (Турция, Иран, Саудовская Аравия) и нерегинальными игроками (прежде всего, США). Обозначившийся в 2010-х гг. переход к полицентричному миропорядку создал дополнительные возможности для ближневосточных стран в контексте укрепления взаимодействия и пересмотра роли региона в мировой политике.

Геополитическая структура региона

При анализе современного состояния политической системы на Ближнем Востоке предлагается взять за основу понятие региональной подсистемы. Так, региональная подсистема – это совокупность государств, объединяемых географическим фактором, стремлением действовать на основе общих интересов и общих признаваемых институтов в ряде сфер, близостью исторического опыта и культуры (Байков и др., 2022,

с. 84). Отмечается также, что ядром, формирующим подсистему, может выступать как государство (региональный или нерегionalный лидер), так и международная организация.

Исходя из данного определения региональная подсистема на Ближнем Востоке не сформирована в силу отсутствия: 1) государства-лидера или организации, которая была бы близка к тому, чтобы стать ядром подсистемы; 2) стремления региональных субъектов действовать на основе общих интересов; 3) инклюзивной региональной идентичности (Лепшкова, 2021, с. 63).

В отношении первого пункта следует отметить, что в регионе присутствует как минимум три государства, конкурирующих за становление в качестве центра силы: Турция, Иран и Саудовская Аравия. В сравнении с другими субъектами региона они обладают существенным демографическим, военным, экономическим и энергетическим потенциалом. В их политике прослеживается стремление трансформировать регион в соответствии со своими представлениями о его дальнейшем развитии. Так, Турция обладает существенным военным потенциалом и оказывает большое культурное влияние на остальные страны региона, продвигая проект построения государства на основе политического ислама (Надеин-Раевский, 2020, с. 150). Не менее сильный в военном отношении Иран стремится утвердить свою роль в регионе в качестве покровителя шиитов при активном спонсировании и задействовании прокси-сил. В свою очередь, динамично развивающаяся Саудовская Аравия намеревается стать ориентиром для суннитской уммы, оказывая особенно осязаемое влияние на арабские государства.

В дополнение к конкуренции между тремя условно равнозначными центрами силы (Шлыков, 2024), роль основных региональных организаций характеризуется как малозначимая. Так, Лига арабских государств (ЛАГ), которой при создании предрекали становление в качестве сплачивающей арабские страны организации, по своей нынешней деятельности больше напоминает платформу для обсуждения региональных проблем (Мелкумян, 2020, с. 221). Интеграционные объединения ССАГПЗ и Союз

арабского Магриба в силу внутренних противоречий стран-членов на данном этапе не добились поставленных целей и также остаются в большей или меньшей степени формальными объединениями. Точно также можно охарактеризовать Организацию исламского сотрудничества, деятельность которой осложнена по причине глубоких противоречий между арабскими и неарабскими странами.

Помимо отсутствия единого центра силы, который взял бы на себя задачу по формированию региональной подсистемы и был бы широко поддержан остальными субъектами, на Ближнем Востоке отсутствует само стремление этих субъектов к определению и отстаиванию общих интересов. К примеру, неспособность стран найти решение палестино-израильского конфликта привела к ожесточенным боевым действиям в секторе Газа с незначительными шансами на урегулирование. Точно также им не удалось найти решение «долгоиграющих» сирийского, ливийского, суданского и йеменского кризисов, в которых усилия по установлению прочного мира уступает поддержке тех или иных сторон конфликта.

Еще одним препятствием на пути к формированию региональной подсистемы является культурное обособление и построение государств на основе отдельно взятых идентичностей. Ярким примером являются националистические идеологии арабских государств, на практике отдающие приоритет страновой идентичности в сравнении с более широкой арабо-мусульманской. Причиной тому является культурная и этническая гетерогенность стран региона при которой более узкое самопозиционирование арабских государств является инструментом властей в борьбе с центробежными тенденциями (Косач, 2009). Подобная ситуация хоть и в меньшей степени, прослеживается в турецком, иранском и израильском обществах. Учитывая перечисленные обстоятельства, формирование инклюзивной региональной идентичности на Ближнем Востоке находится под большим вопросом и требует политической воли со стороны руководств государств, а также более тесного взаимодействия между странами в экономической и политической сферах.

Ближний Восток как международно-политическое пространство

По причине актуальности перечисленных факторов формирование региональной подсистемы в рамках региона остается труднореализуемой задачей. Ближневосточные государства с трудом преодолевают противоречия в отношениях друг с другом, стремясь в первую очередь в условиях анархичной среды выстроить более сильный союз против потенциального соперника, при этом активно пользуясь иностранной поддержкой и инструментом негосударственных акторов, которым проще действовать и добиваться своих целей в условиях сложных, многоукладных социальных структур.

Учитывая данные обстоятельства, Ближний Восток предпочтительней бы было определить в качестве пространства, т.е. среды, характеризующейся относительной однородностью, в рамках которой происходит межкультурное, политическое, экономическое и другое взаимодействие, но которая в значительной степени лишена политического единства.

В свою очередь отличительной частью пространства является то, что его субъекты крайне ограничены в возможностях использовать совокупный потенциал для решения проблем региональной безопасности, создания эффективно-работающих региональных институтов, отстаивания общих интересов при взаимодействии с внешними игроками.

Как следствие, результатом становится высокий уровень региональной конфликтности. По некоторым данным, на территории Ближнего Востока сейчас проходит около 45 вооруженных конфликтов, большинство из которых относят к внутригосударственным². Стоит отметить, что с 2012 по 2020 гг. Ближний Восток также занимал первое место среди регионов мира по уровню смертности в результате боевых действий (Степанова, 2020, с. 30).

² Mahmud S. Today's armed conflict. Geneva Academy. URL: <https://geneva-academy.ch/galleries/today-s-armed-conflicts> (дата обращения: 16.03.2024)

Ближний Восток также лидирует по степени активности террористических организаций. Так, с 2002 по 2018 гг. на него пришлось более 36% всех террористических актов в мире и 49,3% жертв (Wukki, Todd, 2020).

Нестабильность создает благоприятные условия для вмешательства внешних игроков. Так, на настоящий момент в 15 из 24 стран имеются военные объекты иностранных держав, предполагающие постоянное размещение воинского контингента. Более того, сохраняется зависимость военно-промышленного комплекса большинства стран региона от внешних поставщиков (США, России, Франции, Германии, Великобритании и Китая), несмотря на то, что такие страны как Иран, Израиль и Турция активно работают над созданием собственной оборонной промышленности.

Зависимость стран от иностранного капитала и технологий сохраняется в условиях несформированной региональной подсистемы и в силу объективных причин, таких как однотипность экономик. К примеру, несмотря на тесные культурные связи, облегчающие контакты между деловыми кругами, основными инвесторами в арабские страны остаются нерегиональные державы. К примеру, объем внутрирегиональной торговли между арабскими странами не превышает 10% (тогда как в ЕС – 55%, в ЕАЭС – 15%)³. Для большинства из них основными торговыми партнерами остаются Китай, Индия, Южная Корея, США, Франция и Германия.

Развитие отношений между региональными лидерами

Тем не менее, несмотря на вышперечисленные факторы, на данном этапе происходит частичное переосмысление основными центрами силы своей роли в регионе. Так, важнейшим событием в данном контексте стало установление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией весной 2023 г. Это привело к смягчению их позиций по ряду проблемных вопросов и привело к восстановлению дипломатических отношений между рядом арабских государств (включая Саудовскую Аравию)

³ Trade Integration in the Middle East and North Africa. The World Bank. 2010. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2010/03/23/trade-integration-in-the-middle-east-and-north-africa> (дата обращения: 16.03.2024)

и Сирией и ее возвращению в ЛАГ, активизации усилий по урегулированию йеменского конфликта, развитию взаимодействия по экономическим вопросам монархиями Персидского залива и Ираком. Более того, Тегеран и Эр-Рияд заявили о намерении и дальше развивать сотрудничество и продолжают переговоры об активизации торгово-экономического сотрудничества и возобновлении прямого авиасообщения.

Несмотря на противоречия, расширяется саудовско-турецкое сотрудничество. В дополнение к возросшему числу контактов на самом высоком уровне, в начале 2024 г. страны подписали 27 соглашений о сотрудничестве в различных сферах, включая торгово-экономическую сферу и сферу безопасности. Как следствие, турецким руководством был взят более жесткий курс по отношению к Ассоциации «Братья-мусульмане», что привело к нормализации отношений с Египтом (в значительной степени зависимым от саудовских и эмиратских инвестиций). Также произошло примирение между Саудовской Аравией и Катаром (стратегическим партнером Турции), которое привело к увеличению политических контактов между странами.

Менее активно, однако, также развиваются отношения между Ираном и Турцией. Несмотря на противоречия, страны планомерно увеличивают товарооборот, продолжают сотрудничество в энергетической сфере и разрабатывают ряд совместных торгово-экономических проектов на Южном Кавказе.

* * *

В зависимости от воли руководств стран к сближению и их готовности к диалогу, в среднесрочной перспективе можно выделить следующие сценарии развития геополитической системы на Ближнем Востоке: 1) уровень взаимодействия и координации политики между тремя центрами силы значительно возрастет, что позволит им сократить влияние нерегиональных игроков и создать предпосылки для формирования подсистемы; 2) в результате сохраняющихся противоречий и в условиях широкого вовлечения нерегиональных игроков во взаимоотношения между странами процесс сближения между основными центрами силы достигнет

предела и исчерпает себя; 3) конфликтность в отношениях между центрами силы будет усиливаться по мере увеличения их потенциала и стремления создать более сильную систему союзов, что приведет к еще большей дестабилизации региона.

Несмотря на наметившуюся тенденцию к укреплению отношений между региональными лидерами, в условиях сохраняющихся противоречий между региональными игроками и «незрелости» региона, наиболее актуальным видится второй сценарий. Учитывая усиление присутствия на Ближнем Востоке нерегинальных игроков, включая США, Россию, Китай и Индию, и обострение отношений между Россией и Западом, которое в ряде случаев сказывается на расстановке сил в регионе, Ближний Восток в среднесрочной перспективе останется пространством, характеризующимся повышенным уровнем конфликтности и объектом влияния более сильных держав.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: May 20, 2024

Accepted: August 13, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-64-73

UDC: 327

International Politics / Research article

Geopolitical Structure of the Middle East

Alexander B. Pogosyan, Research Assistant, Center for Scientific and Analytical Information,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russia, 107031.

E-mail: sashapogosyan@mail.ru

Abstract: The purpose of this article is to describe the geopolitical structure of the Middle East and analyze the factors that hinder the formation of a regional subsystem. Among the key reasons for the immaturity of the regional subsystem of international relations in the Middle East, the

author highlights the absence of a leading state or organization capable of becoming the core of the subsystem, the lack of desire among regional entities to act on the basis of common interests, as well as the absence of an inclusive regional identity due to cultural and ethnic heterogeneity, the presence of conflicts, as well as other chronic security problems (terrorism, etc.). Integration initiatives capable of drawing the region into a subsystem are also currently experiencing a crisis. The author argues that the Middle East is rather an international political space where intercultural, political, economic and other interactions take place without political unity. Three possible scenarios for the development of relations between regional centers of power in the process of forming a regional subsystem are given.

Keywords: Middle East, regional subsystem, regional leaders, non-regional actors, international space, geopolitics, geopolitical structure

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Wukki, K. & Todd, S. (2020). Middle East and North Africa: Terrorism and Conflicts. *Global Policy*, 11(4). P. 424-438. DOI: 10.1111/1758-5899.12829

Baykov, A.A., Shakleina, T.A. (eds.). (2022). *Megatrendy: osnovnyye trayektorii evolyutsii mirovogo porjadka v XXI veke* [Megatrends: The Main Trajectories of the Evolution of World Order in the 21st Century]. Moscow: Aspect-Press.

Kosach, G. (2009). *Arabskiy mir identichnost' i struktura geopoliticheskogo regiona* [The Arab World: Identity and Structure of the Geopolitical Region]. Institute of the Middle East. 2009, April 19. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8483> (accessed: 12.03.2024)

Lepshkova, Z.Kh. (2021). Inklyuzivnyye i eksklyuzivnyye identichnosti i kontakty: rol' tsennostey i statusa etnicheskoy gruppy [Inclusive and Exclusive Identities and Contacts: The Role of Values and Status of an Ethnic Group]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal*, 2 (42), 61-75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206

Melkumyan, E.S. (2020). Rol' Ligi arabskikh gosudarstv v strukturirovanii arabskogo regional'nogo prostranstva [The Role of the Arab League in Structuring the Arab Regional Space]. *MGIMO Review of International Relations*, 13(5), 220-235. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235

Nadein-Raevsky, V. (2020). Politika Turtsii na Blizhnem Vostoke [Turkey's Policy in the Middle East]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 1(58), 139-156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156

Shlykov, P. (2024). *Competitive Multipolarity in the Middle East*. Valdai Discussion Club. 2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konkurentnaya-mnogopolyarnost-na-blizhnem-vostoke/> (accessed: 10.03.2024)

Stepanova, E.A. (2020). Vooruzhennyye konflikty nachala XXI veka: tipologiya i napravleniya transformatsii [Armed Conflicts of the Early 21st Century: Typology and Directions of Transformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 6, 24-39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39

Литература на русском языке:

Байков А.А., Шаклеина Т.А. (ред.). (2022). *Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке*. М.: Аспект-Пресс.

Косач Г. (2009). Арабский мир идентичность и структура геополитического региона. *Институт Ближнего Востока*. 2009, 19 апреля. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8483> (дата обращения: 12.03.2024)

Лепшокова З.Х. (2021). Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы. *Национальный психологический журнал*. № 2 (42). С. 61-75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206

Мелкумян Е.С. (2020). Роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства. *Вестник МГИМО-Университета*. № 13(5). С. 220-235. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235

Надеин-Раевский В. (2020). Политика Турции на Ближнем Востоке. *Пути к миру и безопасности*. № 1(58). С. 139-156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156

Степанова Е.А. (2020). Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 24-39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39

Шлыков П. (2024). *Конкурентная многополярность на Ближнем Востоке. Дискуссионный клуб Валдай*. 2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konkurentnaya-mnogopolyarnost-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 10.03.2024)

Национальные проекты и этнические меньшинства на Ближнем Востоке: Турция, Сирия, Ирак

САЛЕХ АГИЛ ОГЛЫ СЕЙИДЛИ¹

И.В. КУДРЯШОВА²

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

Обращение к теме национальных проектов на постосманском пространстве обусловлено ростом и институционализацией политической активности этнических меньшинств в Ираке и Сирии, что было вызвано операцией США в Ираке (2003) и событиями Арабской весны. Есть ли для меньшинств, крупнейшим из которых являются курды, место в национальных проектах этих стран? На основе анализа турецкой и арабской версий национализма показано, что изначально они имеют черты как французской (гражданской), так и немецкой (этнической) моделей национализма и предполагают реализацию прав меньшинств только при условии принятия культуры большинства. Однако, если следовать конструктивистскому подходу, можно ожидать развития гражданского компонента. Такой сдвиг произошел в иракской версии национализма, когда демократическая конституция 2005 г. предоставила меньшинствам административно-территориальную (курды) или культурную (туркоманы, ассирийцы) автономию. Изменения в направлении признания культурных прав курдов зафиксированы и в Турции. В Сирии правящая элита по-прежнему придерживается идеи арабского национализма, однако многие сирийские оппозиционные организации готовы признать мультиэтнический характер сирийской нации, т.е. сирийский национальный нарратив также усложняется.

Ключевые слова

национализм, нациестроительство, баасизм, этническое меньшинство, Турция, Сирия, Ирак

¹ **Салех Агил оглы Сейидли** – независимый исследователь, аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: saleh6064@gmail.com

² **Кудряшова Ирина Владимировна** – доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Для цитирования

Сейидли Салех Агил оглы, Кудряшова И.В. (2024). Национальные проекты и этнические меньшинства на Ближнем Востоке: Турция, Сирия, Ирак *Управление и политика*, 3(3). С. 74–92. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-74-92

С началом политических кризисов и вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке международное сообщество стало свидетелем активизации и политизации деятельности этнических меньшинств³, что выразилось в создании ими собственных политических движений, символов (флагов, гербов, гимнов) и исторических нарративов. Если до начала сирийского конфликта наиболее распространенным требованием курдских организаций было предоставление курдам гражданства и какой-либо формы культурной автономии⁴, то с его развитием они стали требовать превращения Сирии в федеративное государство и сохранения своих вооруженных отрядов. Похожая ситуация сложилась и у туркоман Сирии. Изначально требования туркоманских организаций были близки к курдским⁵, но к данному моменту они де-факто имеют культурную автономию и военные бригады и не намерены снижать уровень своих требований⁶.

В Ираке протекают схожие процессы. Если в период правления Садада Хусейна курдские политические партии настаивали на расширении полномочий автономии (Gunter, 2008), то после его свержения те же самые партии (Патриотический союз Курдистана и Демократическая партия Курдистана) стремятся добиться большей независимости своего региона⁷. Туркоманские партии, которые в тот же период боролись за культурную автономию и признание коллективных прав своей общины

³ Крупнейшими этническими меньшинствами Сирии и Ирака являются курды и туркоманы, Турции - курды.

⁴ Шабака хукукия: аль-низам ас-сурий лям йасджал миат альф аль-дахия аль-лязина каталяхум [Сеть по правам человека: Сирийский режим не зафиксировал сотни тысяч убитых им жертв] // Аль-Джазира. 10.01.2013. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2023/10/1/%D9%85%D8%A6%D8%A7%D8%AA> (дата обращения: 14.03.2022).

⁵ Nicholas, H. Syrian Turkmen Join Opposition Forces in Pursuit of a New Syrian Identity// Jamestown Foundation. 30.05.2013. URL: <https://jamestown.org/program/syrian-turkmen-join-opposition-forces-in-pursuit-of-a-new-syrian-identity/> (accessed: 11.11.2022).

⁶ Acun, C. Gorucu, K. Suriye Krizinde Göz Ardi Edilen Aktör: Türkmenler // SETA. 2018. URL: <https://setav.org/assets/uploads/2019/01/224.Perspektif-Suriye-Tu%CC%88rkmenleri.pdf> (accessed: 11.12.2022).

⁷ В Иракском Курдистане начался референдум о независимости // Газета.ру. 25.09.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/25_a_10905176.shtml (Дата обращения 01.01.2022).

(Anderson, Stansfield, 2009, p. 107), сейчас требуют образования туркоманской административной автономии, чей статус выше, чем существующая у них культурная автономия, гарантированная Конституцией Ирака 2005 года⁸.

В данной статье авторы (1) обобщают конструктивистские исследования национализма, (2) анализируют формирование идеологий турецкого и арабского национализма и (3) определяют место этнических меньшинств в турецком, иракском и сирийском национальных проектах в их развитии.

Национализм сквозь призму конструктивистских подходов

Конструктивистская парадигма в этнических исследованиях начала набирать популярность в 1980-е годы и завоевала много сторонников как среди иностранных (Б. Андерсон, П. Бурдье, Э. Хобсбаум, Ф. Барт, К. Чандра и др.), так и среди российских ученых (А.Е. Петров, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман и др.). Конструктивисты рассматривают нацию и этническую общность как социальные конструкты и отрицают утверждения примордиалистов о том, что этническая идентичность является чем-то изначально данным и вещным. По их мнению, этническая идентичность формируется постепенно в результате социального взаимодействия разных групп; также отмечается особая роль в этом процессе политических элит (Попков, Топорков, 2006). В.А. Тишков определяет этничность скорее как форму социальной организации, а не как выражение определенного культурного комплекса⁹. Согласно Тишкову, процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий (Тишков, Шнирельман, 2007).

⁸ Cevik, I. Talabani: Autonomy for Turkmen in Kurdistan // Kurdistan Weekly, 30.01.2006. URL: <https://web.archive.org/web/20170629115048/http://www.kurdistanweekly.dk/news.php?readmore=103> (accessed: 15.02.2022).

⁹ Тишков В. Этничность как форма социальной организации / Сайт Валерия Тишкова. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html> (дата обращения: 01.01.2022).

Британский философ и социальный антрополог Э. Геллнер рассматривает этнические группы сквозь призму национализма. В своем труде «Нации и национализм» он пишет: «Национализм — это теория политической легитимности, которая требует, чтобы этнические границы не пересекали политические границы... Отсюда следует, что территориальная политическая единица может стать этнически однородной только... если она уничтожит, выгонит, либо ассимилирует всех представителей других народов» (Gellner, 1983, p. 1-2). Национализм как политический проект, согласно Геллнеру, не может в принципе позитивно относиться к мультикультурному разнообразию, так как предполагает, что одна общая национальная культура (сформированная на основе культуры этнического большинства) будет навязана меньшинствам. Основным механизмом распространения культуры большинства выступает система образования (Gorsky, 2000). Существование в современном мире мультиэтнических государств возможно, но при условии, что меньшинство проявляет лояльность государству и признает власть большинства, как и единую национальную культуру.

Британский политолог и социолог Б. Андерсон также связывает формирование этнических идентичностей с феноменом национализма¹⁰. Согласно Андерсону, этническая идентичность долгий период человеческой истории не считалась чем-то важным. Племенная, региональная, религиозная идентичность, а также принадлежность индивида к социальному классу воспринимались как более значимые. И только политическое взаимодействие с представителями других народов привело к усилению этнической идентичности¹¹.

Британский исследователь Я. Пенроуз утверждает, что как политическое движение национализм стремится к созданию государства, которое охватывает территорию проживания нации и отстаивает её интересы (Penrose, 2002). По мнению Андерсена, «быть нацией – это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» (Андерсон, 2016, с. 42).

¹⁰ Андерсон, Б. Национализм, идентичность и логика серийности // Ruthenia.ru. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/04.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

¹¹ Там же.

Андерсон выделяет три «парадокса национализма». Во-первых, несмотря на то, что национализм является современным феноменом, большинство людей уверены в древней истории наций. Во-вторых, национализм как социокультурное понятие универсален – каждый индивид принадлежит к определенной нации, но тем не менее каждая нация уникальна и отличается от другой. В-третьих, идеи национализма настолько сильны, что люди готовы жертвовать собой ради нации, хотя определить, что же из себя представляет нация, по причине «философской нищеты» национализма очень сложно (Андерсон, 2016, с. 45-46). В его логике национализм стал возможен потому, что люди начали отвергать три ключевых убеждения о своем обществе: превосходство одних языков над другими, божественное право на власть некоторых монархов и тождественность происхождения мира и происхождения человечества (Андерсон, 2016).

Турецкий национализм

Положения, сформулированные Андерсоном, применимы для объяснения формирования турецкого национализма в первые годы существования Турецкой Республики. Турецкое правительство под руководством основателя республики Мустафы Кемала Ататюрка предприняло ряд реформ, которые сделали возможным становление турецкого национализма как идеологии.

Во-первых, была проведена языковая реформа (т.е. фактическое отклонение превосходства одних языков над другими). Официальным языком Османской империи был «османский турецкий», в лексике которого абсолютно преобладали арабские и персидские слова (Eid, 2006, p. 537); в некоторых официальных документах их доля доходила до 88% (Eid, 2006, p. 537). По сути, османский турецкий (который позднее стал называться просто «османский») не был понятен низшим социальным слоям и большинству турецкого населения в сельских районах. Большинство турок продолжали использовать так называемый грубый, или же «вульгарный турецкий» (турецк. *kaba Türkçe*), в котором использовало гораздо меньше заимствований и который послужил основой современного литературного турецкого языка.

Несмотря на официальный статус османского языка, арабский и персидский активно использовались при дворе, в дипломатии, поэзии, делопроизводстве (O'Flynn, 2017). Арабский также был языком литургии (Saydam, 2009). Разное назначение этих языков свидетельствует о том, что правители империи отдавали арабскому и персидскому предпочтение перед языком, на котором говорили представители основного народа государства.

Решение Ататюрка объявить государственным языком стамбульский диалект (известный как стамбульский турецкий) и его последующее использование в дипломатии, прессе, образовании, литературе, делопроизводстве и проповедях вместо османского, арабского или персидского говорят о стремлении власти выстроить культурные границы государства, т.е. о лингвистическом национализме. По мнению Андерсона, принудительная романизация турецкого языка служила его возвышению над более широкой исламской идентификацией (Андерсон, 2016, с. 103).

В 1932 г. турецкое руководство приступило к процессу «очищения языка» от иностранных слов. Кампания по «очищению», начатая по указу Ататюрка Турецким лингвистическим обществом, ставила целью заменить в турецком языке арабские и персидские заимствования (Lewis, 2002). Вместо заимствований Общество вводило тюркские слова, которые не использовались, возможно, столетиями, или же (как было в большинстве случаев) создавало новые слова из однокоренных похожих по смыслу слов, если должного эквивалента не находилось¹². Изменения, внесенные в язык, были настолько значительными, что речь Ататюрка, произнесенную на съезде Народно-республиканской партии в 1927 г. (т.е. до языковой реформы) пришлось перевести на современный вариант турецкого языка (Lewis, 2002, p. 89).

Более того, в 1930-е годы турецкое правительство запустило проект, который Хобсбаум назвал бы «конструированием националистических нарративов». В 1935 г. турецкой академической средой была официально принята «теория солнечного языка», которая частично основывалась

¹² Tarihçe // Türk Dil Kurumu. URL: https://web.archive.org/web/20160427125548/http://tdk.org.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=77 (accessed: 22.03.2022).

на идеях европейских лингвистов (И. де Барентона, Х. Квергича)¹³. Теория, развивавшаяся при непосредственной поддержке Ататюрка (Speros, 1993, p. 118) в 1935-1936 гг. (Çolak, 2004), заключалась в том, что все языки мира произошли от ныне мертвого шумерского языка, так как шумеры образовали самую первую цивилизацию (Lewis, 2002, p. 101). В свою очередь, турецкие исследователи Хусейн Джахит Ялчин и Рифат Осман Бей утверждали, что шумерский язык был тюркским языком, поэтому все языки мира произошли от пратюркского (Shay, 2002). Эта теория также активно использовалась для того, чтобы объяснить неспособность заменить все арабские и персидские заимствования в турецком языке (Çolak, 2004). Тем не менее, турецкие академические круги отказались от нее после смерти Ататюрка в 1938 г. (Ertürk, 2011, p. 31).

В настоящий период президент Турции Р.Т. Эрдоган регулярно подчеркивает значимость турецкого языка для национального самосознания, обращая внимание и на его древность: «Турецкая нация обязана турецкому языку тысячами лет письменной культурной истории, непрерывной традицией государственности и развитием универсальной цивилизации»¹⁴.

Во-вторых, одним из первых решений Ататюрка после войны за независимость была ликвидация султаната в 1922 г., а с установлением Турецкой Республики он объявил об упразднении уже де-факто не существовавшего халифата. Эти реформы не только символизировали рождение нового государства, но и сыграли важнейшую роль в формировании турецкого национального проекта.

Как уже отмечалось, Андерсон полагал, что одним из факторов движения обществ в сторону национализма был отказ от идеи о божественном праве монарха на власть. Он имел в виду европейские династии, однако это пункт применим и к Османской империи. Османская империя с 1362 г. позиционировала себя как халифат (Пир-Будагова, 2015), а султан с начала XVI в. имел и титул халифа, т.е. позиционировал себя не только

¹³ Turks Teach New Theories // New York Times. 09.02.1936. URL: <https://www.nytimes.com/1936/02/09/archives/turks-teach-new-theories.html> (accessed: 09.02.2022).

¹⁴ President Erdoğan's Message on "Turkish Language Day" / Presidency of the Republic of Türkiye. Directorate of Communications. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/english/haberler/detay/president-erdogans-message-on-turkish-language-day> (accessed: 28.07.2024).

как глава всех подданных империи, но и как покровитель всех мусульман. Хотя в Османской империи не было доктрины или концепции, подобной божественному праву монархов на власть (Burgess, 1992), существование Османского государства (а соответственно и правление Османской династии) легитимировалось необходимостью существования халифата – государства, целью которого является правление на основе ислама и защита мусульманской уммы (Al-Rasheed, Kersten & Shterin, 2012, p. 3). Как отмечают И.В. Кудряшова и А.С. Козинцев, в истории халифата были различные сочетания отправления правителем религиозных и политических функций, но «суннитская мысль не знала концептуальной дихотомии “религиозное – нерелигиозное”, которая получала разрешение в европейских государствах в период раннего Модерна» (Кудряшова, Козинцев, 2023, с. 57).

Османский султан, как и многие европейские монархи, определял себя как главу мультикультурного государства, подданными которого являются представители самых разных народов. Будучи халифом, он также был обязан защищать интересы всех мусульман, вне зависимости от этнической идентичности, племенной принадлежности, социального статуса, финансового положения и любого другого атрибута. Поэтому при создании Турецкой Республики упразднение халифата виделось как отказ существовавшей на тот момент турецкой власти от покровительства над народами вне территории Турции. Более того, если в Османской империи существовала система миллетов, которая подчеркивала мультиконфессиональный и мультиэтнический статус империи, то конституции 1921 г.¹⁵ и 1924 г.¹⁶ декларировали, что все граждане новообразованного турецкого государства являются турками. То есть наличие в стране этнических меньшинств (курдов, арабов, лавов и др.) не признавалось. Само решение о переходе к республиканской форме правления также может рассматриваться как шаг в сторону национализма – оно подразумевает, что власть принадлежит всей нации, а не определенному кругу людей (династии).

¹⁵ Teşkilât-ı Esâsiye Kanunu 1921 // Wikikaynak. URL: https://tr.wikisource.org/wiki/Te%C5%9Fk%C3%AEI%C3%A2t-%C4%B1_Es%C3%A2s%C3%AEye_Kanunu (accessed: 24.03.2022).

¹⁶ Teşkilât-ı Esâsiye Kanunu 1924 // Wikikaynak. URL: [https://tr.wikisource.org/wiki/Te%C5%9Fk%C3%AEI%C3%A2t-%C4%B1_Es%C3%A2s%C3%AEye_Kanunu_\(1924\)](https://tr.wikisource.org/wiki/Te%C5%9Fk%C3%AEI%C3%A2t-%C4%B1_Es%C3%A2s%C3%AEye_Kanunu_(1924)) (accessed: 24.03.2022).

Третьим фактором, который, согласно Андерсону, привел к усилению идеологии национализма, является отказ общества от убеждения в том, что происхождение мира и происхождение человечества были тождественны, т.е. что человеческие общества представляют собой общины, которые в неизменном виде существуют с самого происхождения Земли¹⁷. Как считает ученый, пересмотр этой идеи позволил разным политическим образованиям «повлиять» на формирование национального самосознания народов (Андерсон, 2016, с. 75).

Поэтому неудивительно, что Ататюрка считают «отцом-основателем» не только современной Турецкой Республики¹⁸, но и современной турецкой нации (Gösek, 2011). Современное национальное самосознание было сформировано благодаря созданию турецкого национального государства, реформам в сфере языка и образования и пропаганде официальной идеологии.

Арабский национализм

Политические процессы, которые Андерсон анализировал в своих работах «Воображаемые сообщества» и «Национализм и печать» на примере стран Европы, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, имели место не только в Турции, но и в Сирии и Ираке. Более того, согласно мнению большинства исследователей, именно возрастание значимости идеологии национализма сыграло ключевую роль в формировании сирийской (Kamal, 2003, p. 61-62; Tauber, 2013, p. 57) и иракской (Bashkin, 2009, p. 44; Haddad, 2012) идентичностей.

Арабский национализм формировался по траектории, отличной от турецкой. Идеи, предшествующие его появлению, стали возникать в 1860-х годах в османских вилайетах Машрика во время эпохи «Ан-Нахды» (араб. пробуждение) среди христианских и мусульманских

17 Chan, S. Benedict Anderson, Scholar Who Saw Nations as 'Imagined', Dies at 79 // The New York Times. 17.12.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/15/world/asia/benedict-anderson-scholar-who-saw-nations-as-imagined-dies-at-79.html#:~:text=Benedict%20Anderson%2C%20a%20scholar%20of,He%20was%2079> (accessed 12.01.2022).

18 Mustafa Kemal Atatürk'ün Nüfus Hüviyet Cüzdanı // İste Atatürk URL: <https://isteaturk.com/Kronolojik/Tarih/1934/11/24/Mustafa-Kemal-Ataturkun-Nufus-Huviyet-Cuzdani-24111934/1> (accessed: 21.01.2022).

арабских интеллектуалов. Эпоха «Ан-Нахды», которая также именуется в ряде академических источников «арабским Просвещением» (Stephen, 2004), считается истоком арабской националистической мысли. В данную эпоху в арабской интеллектуальной среде появляются группы писателей, лингвистов, журналистов и политических активистов, которые начинают открыто писать о неблагоприятном положении арабов в Османской империи и ее отсталости. Среди основных арабских интеллектуалов того времени можно назвать Ибрагима аль-Язиджи, Ахмета Фариса аш-Шидайка, Бутроса аль-Бустани, Франсиса аль-Мараша, Абдурахмана аль-Кавакиби и Саты аль-Хусри (Левин, 1984; Hourani, 1983; Abu-'Uksa, 2016).

Эти идеологи раннего арабского национализма, преимущественно ливанского или сирийского происхождения, определили язык как основной критерий принадлежности к арабской нации. Их идеи оказали большое влияние на формирование арабской политической мысли, в частности, на идеологию баасизма, которая фокусируется на создании и развитии объединённого арабского государства в русле социалистических идей.

Основные идеологи баасизма (Мишель Афляк, Салах ад-Дин Битар, Заки Арсузи) и необаасизма (Салах Джадид) были согласны с мнением предшествующих поколений мыслителей об особой роли арабского языка как связующего звена арабской нации. Они считали, что именно язык приводит к единству мысли, норм и идеалов (Аль-Мардини, 1988; Битар, 1960; Ben-Tzur, 1968).

История является еще одним объединяющим фактором, поскольку она представляет собой «плодородную почву, на которой сформировалось арабское сознание» (Salem, 1993, p. 57). Баасисты выступали за создание единого арабского социалистического государства, в котором будут защищены права и свободы граждан и обеспечено их достойное существование. По их мнению, бывшие метрополии и имперские государства (Франция, Британия, Турция, Италия) не заинтересованы в усилении арабского мира, им выгодно отсталое положение арабских стран. Баасисты приветствовали получение независимости многими арабскими странами в 1940-х, 1950-х и 1960-х годах, но рассматривали эти процессы только как промежуточный шаг в направлении полномасштабного объединения стран арабского мира.

Для идеологии баасизма, которой придерживалась партия, одна ветвь которой находилась у власти в Ираке большую часть второй половины XX века, а вторая до сих находится у власти в Сирии, характерны несколько основных черт¹⁹:

- **Светскость.** Баасисты отмечали высокую роль, которую сыграл ислам в развитии арабской нации, но не считали ислам критерием принадлежности к арабской общности. Арабы-христиане и другие меньшинства также считались частью единой арабской уммы (араб. *أمة* – община).
- **Социализм.** Социализм являлся одной из опор политической программы Баас; баасисты рассматривали арабский рабочий класс как движущую силу развития.
- **Однопартийная система.** Мишель Афляк настаивал на построении свободного общества как главного условия развития арабской нации, но в то же время считал, что свобода может быть реализована только при однопартийной политической системе, где партия способна обеспечить и защитить ее.
- **Революционность.** Идеологи баасизма настаивали на необходимости социальной революции в арабских обществах, которая со временем приведет к политической революции.
- **Панарабизм.** Арабский национализм баасистов изначально был панарабским, то есть был направлен на консолидацию арабов, проживающих в разных частях Ближнего Востока и Северной Африки. Основной внешнеполитической целью было создание единого арабского государства.
- **Ассимиляция меньшинств.** Меньшинства, проживающие в арабском мире (берберы, копты, курды, туркоманы, ассирийцы и др.), могут стать частью единой арабской нации, если примут арабскую культуру.

¹⁹ Дустур Хизб аль-баас аль-ирабий аль-иштиракий [Конституция Партии арабского социалистического возрождения] / Syria-news.com. URL: <http://syria-news.org/dayin/mosah/readnews.php?id=7917> (accessed 15.12.2023)

Процесс национального строительства в Сирии и Ираке в силу ряда факторов (установление мандатной системы, произвольное формирование государственных границ, длительная борьба за независимость) также отличался от турецкого.

Во-первых, Сирия и Ирак не ощутили языковой проблемы, как многие бывшие колонии и новообразованные государства в Европе, Африке и Азии. Арабский имел легальный статус в Османской империи и был языком литургии, литературы и науки. Литературный арабский язык, используемый образованными кругами населения, полностью сохранил свою преемственность с кораническим арабским VII века (Holes, Allen, 2004, p. 25).

Во-вторых, если в Турции конец Османской династии (как и конец самой империи) был вызван поражением в ходе Первой мировой войны и нежеланием лидеров турецкого национального движения (турецк. *Türk Ulusal Hareketi*) признать Севрский договор (1920), то путь к независимости Сирии и Ирака был иным.

Сирия изначально была провозглашена независимым государством в 1919 г., когда эмир Фейсал из династии Хашимитов воспользовался вакуумом власти, которой образовался в результате распада империи на территориях нынешних Сирии, Ливана и Иордании, и объявил о создании Арабского Королевства Сирия. Правительство Фейсала просуществовало менее года и было свергнуто Францией, получившей мандат на управление страной. Формирование республики, в том числе ее границ, началось после установления французского контроля.

Мандат на Ирак получила Великобритания, которая установила в нем монархию во главе с покинувшим Сирию Фейсалом, и процесс национального строительства был начат при монархическом режиме. Монархия просуществовала до 1958 г., когда она была свергнута военными во главе Абд аль-Каримом Касемом.

Однако при всем различии процессов, приведших к независимости Турции, Сирии и Ирака, основы их современных идентичностей были тесно связаны с идеей лояльности национальному государству.

Согласно ряду исследователей, турецкий, иракский и сирийский национализмы имеют схожие черты (Partha, 1993, p. 75) и являются своего рода симбиозом французской и немецкой моделей национализма (Kadioğlu, 1996). Как и французский национализм, эти три формы национализма (турецкий, сирийский, иракский) определяют свои нации как гражданские, закрепляя тем самым идентичность турок, сирийцев и иракцев через принадлежность к территориальным сообществам, т.е. в пределах государственных границ. Гражданская нация подразумевает, что все граждане страны, независимо от их этнического происхождения, признаются членами этой нации: все граждане Турции – турками, все граждане Сирии – сирийцами, и все граждане Ирака – иракцами. Одновременно эти формы национализма имеют и черты раннего немецкого национализма: они определяют этническую группу как высшую ценность и отождествляют её с нацией. Таким образом, члены нации могут проживать за пределами конкретного государства, что, в свою очередь, создает почву для ирредентизма.

Националистические проекты и этнические меньшинства

Конституция Турции называет турками всех граждан страны²⁰, тем самым косвенно отрицая наличие в стране этнических меньшинств. Конституция также жестко определяет те принципы (шесть стрел кемализма), которых должна придерживаться республика²¹. Одновременно на официальном уровне с первых лет создания республики говорилось о необходимости защиты тюркских меньшинств за рубежом, т.е. признавалось, что турецкая нация не ограничена границами Турецкой Республики²². В 1920-х годах Турция безуспешно пыталась присоединить территории

²⁰ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Wikisource. URL: [https://tr.wikisource.org/wiki/T%C3%BCrkiye_Cumhuriyeti_Anayasası%20\(1982\)](https://tr.wikisource.org/wiki/T%C3%BCrkiye_Cumhuriyeti_Anayasası%20(1982)) (accessed: 24.03.2022).

²¹ Ibid.

²² Еще в 1920 г. депутаты последнего османского парламента приняли так называемый Национальный обет – документ, который предусматривал, в частности, включение в состав будущего турецкого государства тех османских территорий, где этнические турки составляли большинство.

бывшего Мосульского вилайета, а в 1939 г. добилась присоединения Александреттского санджака, который получил название провинция Хатай (Кудряшова, Сейидли, 2024, с. 81-83).

Конституция Сирийской Арабской Республики определяет всех граждан страны как сирийцев²³ и декларирует, что сирийцы являются частью арабской нации, а республика – частью арабской родины²⁴. Она также четко формулирует заложенные партией Баас принципы, на основе которых республика должна функционировать²⁵. Сирийскому национализму также присущ ирредентизм. Идея Великой Сирии (т.е. вхождение территорий Ливана, Иордании, Палестины и Израиля в состав Сирии) была популярна в политических кругах и продвигалась в официальных СМИ (Eid, 2006, p. 248).

Официальные нарративы иракского национализма менялись в зависимости от политического момента. Во время недолгого правления Абд аль-Карима Касема (1958-1963) официальная идеология позиционировала Ирак как арабо-курдское государство, где каждая из двух основных этнических групп играет важную роль в сохранении государственности (David, 2017, p. 126). Ситуация изменилась после начала правления партии Баас, и особенно после прихода к власти Саддама Хусейна. Иракский националистический дискурс стал близок сирийскому: иракцами объявлялись все граждане страны, но все иракцы также позиционировались как часть арабской уммы. Более того, иракский ирредентизм, который звучал в иракском внешне- и внутривнутриполитическом дискурсе в 1950-х – 1960-х годах, принял наиболее радикальную и агрессивную форму при Саддаме Хусейне. Предъявляя территориальные претензии, Ирак начал военные конфликты с Ираном (1980-1988) и Кувейтом (1990-1991).

²³ Дустур Джумхурия Арабийя Сурийа 2012 [Конституция Сирийской Арабской Республики 2012] / Constitute Project. URL: efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.constituteproject.org/constitution/Syria_2012.pdf?lang=ar (accessed: 22.09.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Устранение Саддама Хусейна и принятие новой конституции (2005) ознаменовали собой отход от иракского национального проекта времен правления Баас. Новая конституция подчеркивает мультиэтнический и мультиконфессиональный характер иракской нации и больше не содержит ее определения как части нации арабской. Прежняя формулировка заменена нейтральным положением о том, что Ирак является одним из основателей и активных членов Лиги арабских государств и привержен ее Уставу²⁶. Более того, всем этническим меньшинствам Ирака гарантируется широкая административная (курды) или культурная (туркоманы, ассирийцы) автономия. Современная версия иракского национализма признает не только наличие этнических меньшинств, но и отмечает их особую роль в истории страны и становлении ее государственности (Yildiz, Georgina, 2004, p. 58). Это также является ее главным отличием от сирийского и турецкого национальных проектов.

Ни в Сирии, ни в Турции в официальных документах наличие этнических меньшинств не упоминается несмотря на то, что в последние годы официальные власти обеих стран стали открыто взаимодействовать с представляющими меньшинства политическими акторами. В Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) государственные СМИ начали ограниченно использовать курдский как один из языков в печати и трансляции, было также разрешено преподавать курдский язык в частных учебных заведениях; в целом ряде округов политические партии пытаются добиться симпатий курдского электората путем разных форм взаимодействия. Тем не менее, турецкий национализм подчеркивает особую роль турецкого народа в формировании Турецкой Республики как государства, и Турция воспринимается изначально как государство турок, а затем уже этнических меньшинств, которые проживают на территории страны (Hanioglu, 2018, p. 204).

В САР в зонах, подконтрольных сирийскому правительству, не действуют культурные организации, политические партии, СМИ, принадлежащие этническим меньшинствам. Несмотря на то, что в стране есть

²⁶ Дустур Джумхурийа аль-Ирак 2005 [Конституция Республики Ирак 2005] / Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005?lang=ar (accessed: 22.09.2022).

образовательные учреждения для армянского меньшинства, курды или туркоманы таких учреждений на подконтрольных сирийскому правительству территориях не имеют. Вместе с тем после начала сирийского конфликта в 2011 г. сирийский национализм стал принимать дифференцированный характер: в отличие от официальной позиции, многие сирийские оппозиционные организации признают мультиэтнический характер государства и подчеркивают роль других народов в создании страны и их вклад в сирийскую культуру²⁷, что делает эту версию сирийского национализма ближе к современной иракской.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

Received: August 12, 2024

Accepted: September 26, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-74-92

UDC: 323.1

International Politics / Research article

National Projects and Ethnic Minorities in the Middle East: Turkey, Syria, Iraq

Saleh A. Seyidli, PhD student, Department of Comparative Politics, MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

E-mail: saleh6064@gmail.com

Irina V. Kudryashova, Associate Professor of Comparative Politics, MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Abstract: National projects in the post-Ottoman space drew scholarly attention with the growth and institutionalization of political activity of ethnic minorities in Iraq and Syria, which was caused by the US operation in Iraq (2003) and the events of the Arab Spring. Is there a place for minorities, the largest of which are the Kurds, in the national projects of these countries? On the

²⁷ Аль хукума ас-сурия аль-мувакката [Временное Правительство Сирии]/ Аль-иатильяф аль-ватани аль-куй ас-саура вааль-ма'арада ас-сурия. URL: <https://en.etilaf.org/soc-institutions/syrian-interim-government> (дата обращения: 22.04.2022).

analysis of the Turkish and Arab versions of nationalism, it is shown that initially they have features of both the French (civil) and German (ethnic) models of nationalism and imply the implementation of minority rights subject to the acceptance of the majority culture.

However, according to the constructivist approach, a civic component is expected to develop. This shift occurred in the Iraqi version of nationalism when the democratic constitution of 2005 granted minorities administrative-territorial (Kurds) or cultural (Turkomans, Assyrians) autonomy. Changes towards the recognition of the cultural rights of the Kurds have also been recorded in Turkey. In Syria, the ruling elite still adheres to the ideas of Arab nationalism, however, many Syrian opposition organizations are ready to recognize the multi-ethnic character of the Syrian nation, thus the Syrian national narrative is also becoming more complex.

Keywords: nationalism, nation-building, Baathism, ethnic minority, Turkey, Syria, Iraq

Conflicts of interest: the authors have no conflicts of interest to declare

Список литературы / References::

Abu-'Uksa, W. (2016). *Freedom in the Arab World: Concepts and Ideologies in Arabic Thought in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press.

Al-Rasheed, M., Kersten, C. & Shterin, M. (2012). *Demystifying the Caliphate: Historical Memory and Contemporary Contexts*. London, Oxford University Press.

Anderson, L. D. & Stansfield, G.R.V (2009). *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*. Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press.

Bashkin, O. (2009). *The Other Iraq: Pluralism and Culture in Hashemite Iraq*. Stanford, Stanford University Press.

Ben-Tzur, A. (1968). The Neo-Ba'ath Party of Syria. *Journal of Contemporary History*, 3(3), 161-181.

Burgess, G. (1992). The Divine Right of Kings Reconsidered. *The English Historical Views*, 107(425), 837-861. DOI: www.jstor.org/stable/574219

Çolak, Y. (2004). Language Policy and Official Ideology in Early Republican Turkey. *Middle Eastern Studies*, 40(6), 67-91.

David, L. P. (2017). *The Kurdish Spring: A New Map of the Middle East*. London, Routledge.

Eid, M. (2006). *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Volume 4. Leiden, Brill.

Ertürk, N. (2011). *Grammatology and Literary Modernity in Turkey*. London, Oxford University Press.

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca NY, Cornell University Press.

Göcek, F. (2011). *The Transformation of Turkey: Redefining State and Society from the Ottoman Empire to the Modern Era*. London, I.B. Tauris.

Gorsky, P.S. (2000). The Mosaic Moment: An Early Modernist Critique of Modernist Theories of Nationalism. *American Journal of Sociology*, 105(5), 1428-1468. DOI: 10.1086/210435.

Gunter, M. (2008). *The Kurds Ascending*. New York, Palgrave MacMillan.

Haddad, F. (2012). Political Awakenings in an Artificial State: Iraq, 1914-20. *International Journal of Contemporary Iraqi Studies*, 6, 1, 3-25.

Hanioglu, M. S. (2018). *Ataturk: An Intellectual Biography*. Princeton, NJ: Princeton University.

Holes, C. & Allen, R. (2004). *Modern Arabic: Structures, Functions, and Varieties. Georgetown Classics in Arabic Language and Linguistics*. Georgetown, Georgetown University Press.

- Hourani, A. (1983). *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798-1939*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kadioğlu, A. (1996). The Paradox of Turkish Nationalism and the Construction of Official Identity. *Middle Eastern Studies*, 32(2), 177-193.
- Kamal, S.S. (2003). *A House of Many Mansions: The History of Lebanon Reconsidered*. New York, I.B. Tauris.
- Lewis, G. (2002). *The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success*. London, Oxford University Press.
- O'Flynn, Th.S.R. (2017). The Western Christian Presence in the Russias and Qājār Persia. *Studies in Christian Mission*. Leiden and Boston: Brill, 1760-1870.
- Partha, C. (1993) *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Penrose, J. (2002). Nations, States and Homelands: Territory and Territoriality in Nationalist Thought. *Nations and Nationalism*, 8(3), 277-297. DOI: 10.1111/1469-8219.00051
- Salem, P. (1993). *Bitter Legacy: Ideology and Politics in the Arab World*. Syracuse, NY, Syracuse University Press.
- Saydam, Y. (2009). Language Problems in the Ottoman Empire. *Ekklesiastikos Pharos*, 91(1), 33-38.
- Shay, A. (2002). *Choreographic Politics: State Folk Dance Companies, Representation, and Power*. Middletown, CT: Wesleyan University Press.
- Speros, V. (1993). *The Turkish State and History: Clio meets the Grey Wolf*, 2nd yd. Thessaloniki, Institute for Balkan Studies.
- Stephen, S. (2004). *Foundations of Modern Arab Identity*. Gainesville: University Press of Florida.
- Tauber, E. (2013). *The Emergence of the Arab Movements*. London: Routledge.
- Yildiz, K. & Georgina, F. (2004). *Kurdish Human Rights Project*. The Kurds: Culture and Language Rights.
- Anderson, B. (2016). *Voobrazhayemyye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow, Kuchkovo Pole. (in Russian)
- Kudryashova, I.V., Kozintsev, A.S. (2023). Poputchiki ponevole: islamskiye partii i arabskoye national'noye gosudarstvo v svete teorii razmezhevaniy [Reluctant Fellow Travelers: Islamic Parties and the Arab Nation-State in Light of Cleavage Theory]. *Polís. Political Studies*, 3, 50-69. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.05 (in Russian)
- Kudryashova, I.V., Seyidli, S.A. (2024). Tyurkskiy mir i arabskaya rodina: turkomany Sirii i Iraka v poiskakh identichnosti [The Turkic World and the Arab Homeland: Turkomans of Syria and Iraq in Search of Identity]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), 77-102. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102 (in Russian)
- Levin, Z.I. (1984). Razvitie arabskoj obshchestvennoj mysli [The Development of Arab Social Thought]. M.: Nauka, 1984. (in Russian) Pir-Budagova E.P. (2015). *Istoriya Sirii. XX vek* [History of Syria. XX century]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (in Russian)
- Popkov, Yu.V., Toporkov, V.T. (2006). Etnichnost' real'naya ili voobrazhayemaya: novyy konstruktivizm [Ethnicity real or imaginary: new constructivism]. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*, 4 (2), 88-92. (in Russian)
- Tishkov, V.A., Shnirel'man, V.A. (2007). Kak i zachem nado izuchat' nacionalizm // Nacionalizm v mirovoj istorii [How and why should we study nationalism // Nationalism in world history]. Ed. V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman. Moscow: Nauka. S. 4-35. (in Russian)

Литература на русском языке:

- Андерсон Б. (2016). *Воображаемые сообщества*. М., Кучково поле.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. (2023). Попутчики поневоле: исламские партии и арабское национальное государство в свете теории размежеваний. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 50-69. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.05
- Кудряшова И.В., Сейидли С.А. (2024). Тюркский мир и арабская родина: туркоманы Сирии и Ирака в поисках идентичности. *Международная аналитика*. № 15(1). С. 77-102. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102
- Левин З.И. (1984). *Развитие арабской общественной мысли*. М.: Наука, 1984.
- Пир-Будагова Э.П. (2015). *История Сирии. XX век*. М., ИВ РАН.
- Попков Ю.В., Топорков В.Т. (2006). Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм. *Вестник НГУ. Серия: Философия*. № 4 (2). С. 88-92.
- Тишков В.А., Шнирельман В.А. (2007). Как и зачем надо изучать национализм // Национализм в мировой истории. Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука. С. 4-35.

Литература на арабском языке:

- Аль-Мардини, З. (1988). *Кысса аль-хаят Мишель Афляк*. Бейрут, Рияд аль-рис лиль-киتاب ва ан-нашр. (in Arabic)
- Битар, С. (1960). *Ас-сияса аль-арабийя байн аль-мабда ва ат-татбик (Арабская политика в принципах и на практике)*. Бейрут, Дар аль-Талия. (in Arabic)

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на

авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;

- Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all keywords (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - • Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;

- **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science.** Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
Подписано в печать: 10.10.2024
Тираж 200 экз. / Объем 8,51 усл. п.л. / Заказ № 1403

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press